

РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

**Роман
Глушков**

МЕЧ В РУКАВЕ ЭКСПЕРТ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ

Роман Анатолевич Глушков
Меч в рукаве
Серия «Меч в рукаве», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121906
Глушков Р. Меч в рукаве: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-05481-2*

Аннотация

Многие тысячелетия могущественная секретная организация оберегает покой человечества от вторжения беспощадных монстров из глубин Вселенной. Веками бесстрашные бойцы с люциферрумовыми клинками в руках встают на защиту простых людей, не подозревающих, что совсем рядом с ними идет непрекращающаяся, тайная, кровопролитная война. Однако новые времена вместе с мощным оружием и супертехнологиями принесли также новую тактику ведения войн. Коварство и ложь грозят теперь разрушить последний бастион земной цивилизации. Именно в это непростое время, в начале XXI века, членом секретной организации становится русский художник Мефодий Ятаганов, которому предстоит сыграть значительную роль в грядущих невероятных событиях.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Роман Глушков МЕЧ В РУКАВЕ

ПРОЛОГ

*Для дурного выбора нет извинений.
Энтони Шефтсберг*

Недовольный гул и оскорбительные выкрики становились все громче и агрессивнее – толпа озлобленных горожан прибывала с каждой минутой, окружая ничем не примечательный глинобитный дом плотным кольцом. Толпа требовала немедленно выдать им двух странников, что скрывались сейчас за стенами заблокированного со всех сторон дома.

Лот – хозяин этого небогатого жилища – сидел перед странниками, в отчаянии обхватив голову руками. Его немногочисленное семейство – жена и две несовершеннолетние дочери – испуганно жались друг к другу на земляном полу в дальнем углу комнаты.

То, что поведали Лоту странники, просто не укладывалось у него в голове, однако те не шутили.

– Ты исправно служил нам долгие годы, Лот, – говорил тот из гостей, которого звали Гавриил. – Служил, как и дядька твой, – верой и правдой; служил и в бедности, и в богатстве. Хозяину нужны такие преданные агенты, и именно потому мы здесь. Тебе не суждено погибнуть завтра на рассвете.

– Но неужели уже ничего нельзя предотвратить? – чуть слышно проронил Лот. – Ведь это в силах Хозяина, так?

– Так-то оно так, – согласился Гавриил. – Однако сегодня у него просто нет на это времени. У Хозяина большие проблемы, Лот. Такие, которые ты себе и вообразить не сможешь...

– Но ведь я говорил вам о том, что город охватывает безумие! – Казалось, Лот даже не слушает собеседника. – После того как я поселился здесь, я докладываю об этом регулярно! Но вы будто не замечаете происходящего!..

– Поверь, Хозяин знает о твоих докладах, – прервал его Гавриил. – Но сам посуди: стал бы ты вытаскивать из ямы овцу, когда остальное стадо твое в это время несется к пропасти?

В дверь несколько раз ударили чем-то тяжелым. Сразу за этим, разбив стоявший на подоконнике глиняный горшок, в окно влетел крупный булыжник и упал прямо возле ноги второго гостя, носившего странное для здешних мест имя Синберторикс.

Лот встрепнулся и вскочил на ноги:

– Я поговорю с ними! Возможно, еще не все потеряно! Попробую воззвать к их разуму!

И, не дожидаясь ни одобрения, ни запрета, отворил дверь и направился к толпе.

– А он смел, этот Лот, – заметил Синберторикс. – У него редчайшая для землекопа особенность к самопожертвованию ради других. Все видит, все запоминает, все чувствует... Неудивительно, что его обратили в агента.

Странники говорили между собой на совершенно незнакомом в здешних местах языке, так что сидевшие в углу женщины их не понимали.

– Как и его дядька Авраам, – добавил Гавриил. – Тот попытался вчера выторговать у Хозяина помилование для этого города – представляешь, каков смельчак! Хозяин согласился, но при условии: если в городе найдется хотя бы десять индивидуумов с нормально функционирующим мозгом, он даст городу отсрочку еще на пару лет. Авраам знал, что такого

количества нормальных землекопов здесь нет, и попробовал поторговаться еще, но Хозяин остался непреклонен. Так что как ни крути, а ликвидация состоится.

Синберторикс вслушался в происходящее за стеной и подытожил:

– Да и из Лотовой затеи ничего не выйдет. Нельзя образумить толпу, у которой произошел столь массовый сбой. И когда завтра над этим сектором взойдет солнце, аномалия будет ликвидирована... Что Хозяин вообще заикнулся на этом землекопе? Не проще было бы уничтожить его подчистую и заняться разработкой более совершенных форм? Ведь ни мы – Исполнители, – ни смотрители никогда не создавали Хозяину проблем! А с землекопом давно стало ясно, что он недоработан...

– Смотритель Сатана настаивает на том же, но... Не нам с тобой критиковать Хозяина, Синберторикс. Он работает как может. Однако ты прав: вживить в это поколение землекопов мозг Исполнителя – не самая лучшая его идея. Тем более мозг всего на трех процентах мощности.

– Он слишком понадеялся на сдерживающие кодировки...

– Нет такой кодировки, которую нельзя раскодировать, – даже мы с тобой это понимаем. И вот тому наглядный пример! У этой популяции землекопов тотальная утечка из заблокированных зон головного мозга. Просочившиеся обрывки чуждой для них информации в данном случае нанесли патологический урон системе репродуктивных функций, и землекопы просто-напросто стали отдавать приоритет особям своего пола! И отсюда – как там Лот сказал? – «массовое безумие». Кстати, что он там сейчас им доказывает?

Синберторикс опять прислушался к долетающим из-за стены отголоскам речи Лота, едва различимым в общем гомоне толпы.

– Предлагает им своих дочерей вместо нас. Но они и слушать не хотят... Похоже, пора вмешаться!

В его руках материализовались два длинных серебристых клинка.

– Убери это! – повелел Гавриил. – Рано! Достанешь их завтра, когда землекопы хлынут к воротам. А сегодня обойдемся вспомогательными средствами. Усмирительный сигнал, к сожалению, не поможет – не успеем, потому используем инфраудар. Идем!

Складывалось впечатление, что возле дома собралась чуть ли не четверть всех жителей города. Несколько человек обступили Лота и, судя по их поведению, собирались повалить его на землю и затоптать. Но едва Синберторикс и Гавриил появились на пороге, как тут же воцарилась полная тишина и все лица разом обратились к ним. Похотливые животные взгляды всех без исключения столпившихся у дома явно указывали на то, что ожидает странников, когда они будут отданы им на потеху. Даже чересчур явно...

– Берем его! – скомандовал Гавриил и толчком ладони отбросил далеко назад первого кинувшегося на него горожанина. Пролетев по воздуху с десятков метров, тот повалил еще нескольких.

Синберторикс ухватил за шиворот продолжавшего махать руками и что-то доказывать толпе Лота, а затем швырнул его внутрь дома. Остроугольный булыжник ударил Синберторикса между лопаток, но он, похоже, ничего не почувствовал.

Укрыв незадачливого парламентаря за своими спинами, странники встали рука об руку и развернулись к оголтелой ораве безумцев. Камни в обоих летели уже не переставая, однако парочка и не думала уклоняться. Наоборот – Гавриил нарочно подставил голову под один из них, и камень отскочил от его лба, расколовшись на части. Гавриил при этом даже не моргнул.

– Ну, поиграли, и хватит, – сказал он напарнику, который, глядя на него, тоже воспроизвел аналогичный фокус. – Бьем по счету «три». Раз! Два!..

По воздуху пронесся низкий дрожащий рокот, настолько мощный, что со стен расположенных по другую сторону улицы строений стали откалываться пласты засохшей глины.

На толпе же изданный голосовыми связками чужаков звук сказался и вовсе пагубно. Люди хватались за головы и валились в пыль и рассыпанное тут и там ослиное дерьмо. Из ушей и глаз их текла кровь, а крики пострадавших слились в единый надрывный стон боли.

– До утра здесь будет тихо. Идем в дом, – проговорил Гавриил, глядя на беспомощных, ослепших и оглохших людей, которые еще минуту назад бесновались, готовые предать странников экзекуции.

Лот от такого представления, похоже, лишился дара речи, хотя инфраудар и был направлен в противоположную от него сторону. Пораженный столь мгновенной расправой над таким количеством нападавших, он опасливо выглядывал из-за двери, на лице его застыла гримаса удивления.

– У тебя есть время до рассвета. – Категоричный тон Гавриила вывел его из ступора. – Можешь предупредить свою родню и всех, кого бы ты хотел спасти...

– Я давно их предупреждал, что Господь рано или поздно покарает это место, но они лишь посмеялись надо мной, – промолвил Лот, все еще не сводя зора со стонущих и тыкающихся друг в друга, словно новорожденные щенки, людей. – Не думаю, что они поверят мне сегодня... Но вы правы – я все равно обязан предупредить хотя бы зятьев!

И, негромко наказав что-то жене и дочерям, он запахнулся в ветхую накидку и вышел в ночь, стараясь не сталкиваться с мечущимися на улице калек с лопнувшими глазами и барабанными перепонками...

Возвратился Лот под утро, когда перед его домом не осталось ни одного искалеченного странниками человека.

– Пусть они и желали нам зла, но зря вы так с ними, – проворчал он, сбрасывая накидку.

– Им осталось уже недолго, – сказал Гавриил. – Ты вернулся один – тебе снова не поверили?

– Да, мне не поверили! Никто не поверил, даже мои старшие дочери!.. Видит Бог, я готов остаться здесь, с ними, но мне надо заботиться о младших дочерях. Потому я повинуюсь вашей просьбе – мы уходим.

– Здравый выбор, – одобрил его решение Гавриил. – Но только запомни хорошенько: как выйдете за стены – не оглядывайтесь. Хозяин сам будет проводить ликвидацию аномалии, и мы не ручаемся, что ты и твоя семья без последствий выдержите вид Пламени. Если кто-нибудь из вас ненароком узрит Пламя даже краем глаза, мозг его высохнет, а тело сначала окаменеет, а после рассыплется в прах. Предупреди об этом жену и дочерей! И поторопитесь – солнце вот-вот взойдет...

Синберторикс и Гавриил стояли у западных ворот города и провожали глазами спешно удаляющееся от них на восток Лотово семейство. Агент пожелал скрыться в соседнем поселении, взяв со странников слово, что последующая за карой города «очистка» окрестностей обойдет то стороной.

– Десять человек, – негромко произнес Синберторикс. – От них требовалось всего десять человек с нормально функционирующим мозгом!

– Десять нормальных? – кисло усмехнулся ему в ответ Гавриил. – Мы и агента от этих «нормальных» еле-еле спасли...

Из-за гор вставало солнце, озаряя округу багровыми лучами. Но с его появлением весь западный небосклон мгновенно накрыла огромная иссиня-черная туча. И хоть вокруг стояло полное безветрие, туча начала быстро надвигаться на город. Ударил далекий раскат грома, но вместо молний из затягивающего небо марева полыхнули длинные, достающие до самой земли, языки пламени.

– Ты готов? – спросил Гавриил у Синберторикса.

– Готов, – бросил тот.

– Ну тогда по местам! – распорядился Гавриил. – Ты оставайся здесь, а я перекрою восточные ворота.

И вновь, как и вчера, в каждой руке у обоих странников словно из ничего появилось по сверкающему клинку...

Первые проснувшиеся и вышедшие из домов горожане – те, что не участвовали во вчерашнем безумии у дома Лота, – взволнованно взирали на летящую со скоростью конного воинства филистимлян, пышущую огнем тучу. Крики страха заполнили узкие улочки...

Содом встречал последнее в своей истории утро.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ АВТОПОРТРЕТ С ДВУМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Привел же меня черт родиться в России, да еще с талантом!
А. С. Пушкин

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.*
А. С. Пушкин. «Пророк»

В тот день Мефодий Ятаганов вернулся домой позже обычного и, пройдя в квартиру не разуваясь, устало плюхнулся на диван. Его натруженное тело, первый раз за вечер приняв наконец-то горизонтальное положение, расслабилось и благодарно отозвалось приятной истомой. Старинная присказка «от работы кони дохнут», последние шесть часов тупо свербежавшая в мозгу Мефодия, оказалась очень недалеко от истины, вот только, исходя из собственного опыта, Мефодий – будь на то его воля – поменял бы в присказке почившего в бозе непарнокопытного на грузчика продовольственно-товарной базы.

Впрочем, грузчиком как таковым Мефодий считаться не мог. И действительно: разве то, что выпускник художественного факультета университета искусств подрядился разгружать вагоны с сахаром и мукой, давало ему право причислять себя к этой категории тружеников? Конечно же, нет. Но Мефодий жил в такое незавидное время, когда одно владение кистями и красками, каким бы виртуозным оно ни являлось, не могло прокормить даже его самого, не говоря уже о семье...

Мефодий перевел взгляд на свои давно потерявшие итальянскую благородность ботинки и сразу же подумал о Раисе. Она бы такого безобразия точно не допустила: в грязной-то обуви – да по чистым полам!.. Но Раиса ушла полгода назад, ушла окончательно и бесповоротно – Мефодий знал это не хуже, чем законы построения художественной перспективы. Ушла, только и оставив после себя забытую губную помаду на туалетной полочке и вот эту подаренную ее уходом привилегию – попирать ботинками чистые полы. Да и какие они, к чертовой матери, чистые! После разрыва с женой Мефодий брался за половую тряпку редко, да и то предварительно опрокинув на паркет банку с растворителем или тогда, когда грязь уже требовала совковой лопаты, а не влажной уборки.

«Ты полный ноль, Ятаганов-младший! – сказала ему Раиса перед тем, как демонстративно захлопнуть за собой дверь. – Будущего у тебя нет и не предвидится; ты законченный неудачник по жизни! Вот увидишь: пройдет еще пара лет, и ты сопьешься среди своих мольбертов, а единственное, что сможешь нарисовать, – «черный квадрат»! Да и тот кривой, потому что руки твои будет колотить вечный похмельный мандраж... Прощай!»

Мефодий ни спорить с Раисой, ни умолять ее остаться не стал, хотя и сильно любил свою жену, пусть и связанную с ним лишь узами гражданского брака. Решила так решила. Все равно жить дальше в тех отношениях, что сложились у них за последнее время, он тоже не мог. И как бы назло Раисе, отбившей к новым горизонтам и «настоящим мужикам, которые не витают в облаках, а зарабатывают вполне реальные деньги», поклялся завязать со спиртным, введя лимит даже на пиво. Как ни странно, но клятва эта, данная скорее под горячую руку, а не сознательно, пока Мефодием безукоризненно выполнялась...

А познакомились они с Раисой полтора года назад в городском парке, где только что окончивший университет Мефодий делал первые шаги в качестве уличного портретиста. И

хоть занятие это и не давало особой прибыли, но с грехом пополам помогало безработному художнику сводить концы с концами без отвлечения на дополнительные заработки.

То, что на Старом Арбате считалось в порядке вещей – а именно рисование в общественных местах, – здесь, в отдаленном от Москвы провинциальном Староболотинске, выглядело немного экзотично. А потому возле Мефодиева этюдника, который очень скоро намертво вписался в ландшафт парковых аллей, наблюдалось постоянное оживление. Праздно гуляющую публику неподдельно интересовало таинство превращения белого ватмана в портретный лик желающего увековечить себя добровольца. Иногда, правда, попадались критически настроенные субъекты, в массе своей нетрезвого вида, не соглашающиеся с художником по поводу схожести того или иного изображения с оригиналом, но до выражения карандаша из рук дело еще ни разу не доходило. Так что к вечеру у Мефодия в кармане пиджака стабильно нарисовывался некоторый прожиточный минимум.

Раиса подошла к Мефодию под вечер, когда художник уже собирался уходить и складывал в сумку рабочий инструмент, а также маленький раскладной стульчик, на который он усаживал свою клиентуру.

– Я опоздала, да? – с сожалением проговорила девушка, грустно наблюдая большими и печальными карими глазами, как Мефодий пакует свой нехитрый скарб.

– Да, уже слишком темно, – сочувственно ответил Мефодий, – а фонари на этой неделе почему-то не зажигают.

– Мэрия теперь экономит на всем, – вздохнула девушка, явно знавшая причину отсутствия в парке электричества. – Должают энергетикам, потому так и делают... Ну что ж, значит, не судьба; приду как-нибудь в другой раз...

И она, повесив нос, собралась было удалиться восвояси.

Мефодий вдруг почувствовал жуткую неловкость оттого, что отказал этой прекрасной темноволосой особе, хотя в парке и правда было хоть глаз выколи – то есть именно те условия, в которых ничего, кроме вышеупомянутого «черного квадрата» и не получилось бы.

– Подождите! Подождите минутку! – закричал он вслед незнакомке.

Девушка Мефодию понравилась, и он уже представил, насколько эффектнее будет выглядеть она при нормальном освещении. Ну а так как сам Мефодий был на данный момент ни от кого, кроме кредиторов, не зависим, а девушка в этот поздний час пришла одна, то это вселяло некоторую надежду...

«Почему бы и нет?» – подумал Мефодий.

– Вы знаете, наверное, это прозвучит бестактно, – начал он, – но я снимаю квартиру в паре остановок отсюда, и дома у меня что-то типа мастерской. Так что если вас не пугает перспектива провести вечер в компании грубого волосатого создания, то я сочту за великую честь, если вы...

И заткнулся, встретив ехидно-снисходительный и ничуть не смущенный взгляд невестушки клиентки.

– А ваших натурщиц это не побеспокоит? – игриво поинтересовалась она.

– Я дал им на сегодня выходной, – включился в игру Мефодий.

– И что же вы собираетесь получить от меня за мой портрет? – Взгляд девушки стал еще ехиднее и задиристее.

– Ну... в качестве аванса, может быть, разрешите сводить вас в кафе?

Такой аванс девушку вполне устроил.

Звали ее Раисой. Раиса была Мефодию почти ровесница и так же, как и он, после окончания института осталась здесь, в большом цивилизованном городе, искать работу и по мере возможностей устраивать себе жизнь.

– Мефодий? – переспросила Раиса, когда настал черед представляться ему. – А вашего брата зовут случайно не Кирилл?

- Да, Кирилл, – признался Мефодий. – Так вы его знаете?
- Вас все знают, – улыбнулась Раиса. – Вы книжки на пару печатаете.
- Нет, мой брат книгами не интересуется...

Мефодий говорил ей чистую правду. У него, названного родителями именно в честь второго русского книгопечатника, действительно был старший брат Кирилл, и он действительно проживал здесь же, в Староболотинске.

Кирилл Ятаганов был старше Мефодия Ятаганова на пять лет, но ни к книгам, ни к другим видам искусства не имел никакого отношения вообще.

Сфера интересов Кирилла заключалась в другом. Он являлся владельцем трех супермаркетов в Северо-Восточном районе Староболотинска и за счет этого мог позволить себе такое, о чем Мефодию приходилось только грезить: добротную квартиру в престижном районе, солидный «БМВ» и ежегодную поездку на так любимый им Тенерифе. И не надо было обладать особой проницательностью, чтобы догадаться, кто из братьев являлся истинной родительской гордостью, кого из них кому всегда ставили в пример и какова была температура личных отношений между стаптывающим последние башмаки художником и ужинающим исключительно в ресторанах предпринимателем. А в довершение ко всему следует добавить, что Раиса через год ушла от Мефодия не к кому-нибудь, а именно к Кириллу...

Единственным связывающим братьев звеном оставалась квартира, в которой проживал Мефодий. Не имея возможности платить за съём жилья, художник спрятал свою гордость подальше и после окончания университета воспользовался предложением брата занять эту выигранную им в карты однокомнатную квартиру в центре. Предложение вряд ли было сделано Кириллом из братских чувств. Сдача квартиры в аренду постороннему не обогатила бы и без того не страдающего безденежьем бизнесмена, а Мефодий человеком являлся хоть и недомовитым, но за сохранность жилья и своевременное внесение платежей на него можно было положиться с полной гарантией.

Портрет Раисы Мефодий написал не в день их знакомства, а немного позже – когда они, почувствовав друг к другу нечто большее, чем просто симпатию (как хотелось Мефодию тогда надеяться), и будучи попросту двумя одинокими душами в огромном городе, стали жить вместе у него на квартире.

Со стабильной и хорошо оплачиваемой работой Мефодию не везло, даже несмотря на заметный с первого взгляда талант молодого художника. В творчестве своем Мефодий не тяготел к непонятному широким массам абстракционизму, а предпочитал ставить во главу угла реалистичность (порой даже излишнюю) и динамизм изображаемого в красках действия. Подобное творческое кредо вырабатывалось у Мефодия со школьной скамьи, когда после очередного похода их подростковой компании в кинотеатр его глаза загорались жадой отобразить на бумаге скачущих на мустангах индейцев или бьющихся на мечах рыцарей. И так уж получалось, что первыми холстами молодого дарования становились ученические тетрадки или страницы учебников.

«Здорово!» – говорили одноклассники после просмотра первых Мефодиевых работ, выполненных обычной авторучкой, поскольку художественное мастерство большинства одноклассников лежало где-то на уровне «точка, точка, запятая...» либо еще ниже. Единственные, кто не разделял по этому поводу восторгов, были учителя, раз в семестр заставлявшие Ятагановых-родителей раскошелиться на новые учебники взамен доиллюстрированных сыном старых.

Больше всего надежд возлагал Мефодий на контракт со староболотинской звукозаписывающей компанией «Спектрум», заинтересовавшейся его работами и пожелавшей украсить ими обложки дисков целой плеяды звезд и звездочек местного масштаба. Три месяца проходил Мефодий в ожидании крупного заказа. Уже были выполнены зарисовки к обложкам для двух десятков аудиоальбомов, готовых вот-вот отправиться на суд заказчика. Раиса

в предвкушении ожидаемого Мефодием аванса оставила за собой право потратить его на новую дубленку и – если что-то останется – на зимние сапоги. Но...

Все карты Мефодию спутал его более удачливый коллега из далекой Испании – некий Борис Валеджо, репродукции которого случайно попались на глаза менеджерам «Спектрума». Нет, конечно же, сам сеньор Валеджо ничего против Мефодия и в мыслях не держал. Мало того – можно было быть уверенным, что о существовании как господина Ятаганова, так и «Спектрума», и даже самого Староболотинска, этот маститый художник отродясь не слыхивал.

Зато работодатели Мефодия оказались хорошо осведомлены о нем. А потому перед ними встала столь характерная для нашего рынка дилемма: либо платить гонорар «родному» художнику, либо не платить ничего сеньору Валеджо, поскольку навряд ли он когда-либо обратит свое внимание на продукцию маленького провинциального «Спектрума».

Понятно, что дилемма довольно легко разрешилась в пользу второго варианта. И вот на буклетах спектрумовских дисков стали красоваться фантасмагорические обнаженные женщины с крыльями, могучие варвары с мечами и противостоящие им жуткие порождения Сил Зла – в общем, те самые фигуры, что и сделали Бориса Валеджо знаменитым.

Лакомый контракт был потерян, и Мефодию пришлось довольствоваться скромным предложением староболотинской пивоваренной фабрики, выпускающей известное в городе и окрестностях пиво «Викинг». Деньги, что заплатили художнику эти староболотинские «викинги», даже по сравнению с обещанным ему авансом от «Спектрума» были смехотворными, и их едва хватило Раисе на сапоги и пуховик, так и оставив в ее призрачных грезах желанную дубленку. Однако при имеющемся в молодой семье недостатке финансов выбирать особо не приходилось, и Мефодий с головой окунулся в работу.

Фабрика производила шесть сортов пива, и от Мефодия требовалось сотворить шесть эскизов этикеток, обязанных тем или иным образом отражать специфику предлагаемого сорта. О викингах Мефодий был наслышан, с детства увлекался историей их походов и колоритной мифологией, а потому проблем с отображением на бумаге суровых бородачей, облаченных в одежды из шкур и устрашающие рогатые шлемы, не возникло.

Возникли они в отсортировке готовых персонажей по пивным сортам. Легче всего вписались в пивную тему статный блондин с мечом и приземистый крепыш с неподъемной секирой, нареченные соответственно «Викингом Светлым» и «Викингом Крепким». Заставили слегка напрячь воображение образы «Викинга Темного», «Викинга Легкого» и «Викинга Классического», поскольку из готовых зарисовок ничего подходящего выбрать не удалось. «Викинг Темный» после некоторой доработки превратился в жгучего брюнета и стал до боли напоминать Антонио Бандераса из «Тринадцатого Воина»; «Викинг Легкий» вместо тяжелой палицы получил длинный лук и «похудел» килограммов на тридцать, приблизившись к дистрофии; «Викинг Классический» «состарился» до векового возраста и был усажен кистью мастера на замшелый валун – то есть своей дряхлостью символизируя всю ту «классику», что можно было представить себе при слове «викинг».

А вот кто действительно согнал с Мефодия семь потов, так это «Викинг Безалкогольный», поскольку, как утверждает история, трезвенников среди викингов не существовало отродясь и к рогу с элем их подносили едва ли не раньше, чем к материнской груди. Но выход был найден и из этого тупика.

Безусый юный викинг был водружен Мефодием на дозорную вышку, откуда он зорко всматривался в морские горизонты. Безалкогольная сущность зарисовки выражалась двумя подчеркнутыми деталями: первая – бесспорная молодость викинга, что гарантировала его не насквозь пропитое состояние; вторая – нахождение того на посту (правда, Мефодий не был уверен, существовало ли у варягов вообще какое-нибудь запрещающее распитие спиртных напитков подобие устава патрульно-постовой службы).

Впрочем, заказчик остался доволен, расчет произвел в срок, и это был предпоследний раз, когда талант молодого мастера оказался востребован кем-то более серьезным, чем публика из парка имени Розы Люксембург. А о последнем таком случае Мефодий без содрогания вспоминать просто не мог, но об этом чуть позже...

На почве тотального безденежья пылкие романтические чувства Раисы к Мефодию постепенно перешли в прохладные и натянутые отношения. Мефодий, конечно же, ее понимал – уже давно стало ясно, что Раиса просто ошиблась в выборе спутника жизни. Но несмотря на это, он все равно любил ее, втайне надеясь, что в конце концов их жизнь устроится и в карих глазах Раисы он снова увидит ту искорку, что сводила его с ума в первые дни знакомства.

Мефодий продолжал писать портреты в парке, упорно обивал пороги работодателей, а вечерами подрабывал разгружать вагоны на продовольственной базе, где рассчитывались наличными и сразу. Первый месяц было сложно совмещать несовместимое – днями творить, а вечерами таскать тяжести. Руки дрожали, ноги подгибались, а голова, отупевшая от белого пропиленна мешков, на белом ватмане сосредоточиться должным образом уже не могла. Ухудшилось качество рисунка, незаметное для профанов, но режущее наметанный глаз коллегам Мефодия по художественному промыслу. Через три месяца Мефодий начал понимать, что от такого жизненного темпа он медленно сходит с ума, а злобный сарказм Раисы только усугублял это ощущение...

Однажды вечером, возвратившись с очередной разгрузки, Мефодий был встречен Раисой не привычно ворчливой, а какой-то деловой и молчаливой. «Надо поговорить», – коротко бросила она и прошла на кухню, жестом пригласив следовать за ней.

Мефодий выслушал Раису молча и без эмоций. Настолько неэмоционально, что даже сам этому удивился. И хотя то, что поведала Раиса Мефодию, просто обязано было послать его в тяжелейший психологический нокаут (уж что-что, а свой характер он знал прекрасно), тем не менее этого не произошло...

Уже месяц как Раиса и Кирилл – его старший брат и квартиросдатчик – были любовниками. Мефодий никогда не знакомил их, но однажды в его отсутствие Кирилл случайно забрел к ним на огонек.

С этого все и началось. Будучи человеком разведенным, Кирилл встречал Раису после работы и возил к себе на квартиру, где они и проводили совместный досуг. А вчера Кирилл наконец сделал ей недвусмысленное предложение, от которого она была просто не в силах отказаться...

Мефодия это ничуть не удивило: от старшего братца всегда следовало ожидать чего-то подобного; от Раисы, если принять во внимание их летящие в тартарары отношения, тоже.

Удивила же его собственная реакция на все услышанное. Ни слова не говоря в ответ, он просто развернулся к плите и стал готовить себе ужин, которого сегодня, исходя из всего вышеуслышанного, ожидать уже не приходилось. Голова Мефодия была пуста, как вскрытая подарочная упаковка.

– Ну чего ты молчишь? – Раиса, видимо, заранее настроившись на бурное выяснение отношений, похоже, не ожидала от Мефодия столь непредсказуемой реакции. – Тоже мне, мужик, называется! У него жену уводят, а он молчит! Ну и молчи, тряпка половая!..

И она ушла...

«Сегодня точно как тряпка половая», – подумал вымотанный вконец Мефодий, но все-таки собрался с силами и кое-как стянул с ноющих ступней эти колодки, которые еще утром он называл ботинками. А затем с неохотой поднялся и прошел на кухню, дабы разогреть на ужин остатки сегодняшнего обеда.

По возвращении обратно в комнату Мефодий собрался было поднять с пола и вернуть в прихожую брошенные возле дивана ботинки. Но едва он нагнулся, как из нагрудного кар-

мана пиджака тут же выскочила и зазвенела по полу мелочь, а следом за ней выпорхнул небольшой – в половину игровой карты – листок плотного эмулированного картона... Ну конечно! Как же Мефодий мог про нее забыть! Визитная карточка незнакомца из парка. И судя по всему, довольно состоятельного незнакомца. А зачем давать визитку художнику, если не хочешь предложить ему работу? И кто знает, может быть, это предложение окажется очень даже выгодным! И можно будет тогда хоть на один-два месяца послать подальше эту осточертевшую продбазу!..

Да, хорошо бы...

Для рядового посетителя парка незнакомец выглядел странновато. Весь его облик говорил о том, что этот молодой, крепко сложенный человек просто обязан принадлежать к деловому миру: длинный легкий плащ, просторные и явно шитые на заказ брюки, элегантные и, по всей видимости, безумно дорогие туфли (Мефодий сам мечтал о таких). Такому, как он, скорее пристало прогуливаться возле дверей престижных банков, фирменных магазинов либо у парадного входа в казино в обнимку с пышногрудой красоткой. А потому вызывала недоумение цель его визита сюда – в место отдыха интеллигентных пенсионеров, мамаш с колясками, отцов, катающих на загравках детей постарше, да прогуливающих лекции студентов с пивными бутылками в руках.

Незнакомец шел по алее не спеша, держа руки в карманах и щурясь от яркого весеннего солнца. Легкий ветерок колыхал полы его плаща и доходившие до плеч черные, как гудрон, кудрявые патлы. Он степенно приблизился сначала к знакомому Мефодию пейзажисту, что выставил на обозрение у края аллеи свои работы, оценивающе осмотрел их, а затем перевел взгляд на заканчивающего очередной портрет Мефодия и зашагал к нему.

Мефодий недолго любил современных «хозяев жизни», а потому намеренно игнорировал остановившегося напротив незнакомца: поправил грифели карандашей, протер поверхность этюдника и сиденье своего стульчика, не торопясь попил водички, при этом не упуская из виду пристально изучающего его холеного брүнета. Складывалось впечатление, что того интересовал сам художник, а не прикрепленные к крышке этюдника образцы его ненавязчивой саморекламы – лица улыбающихся красавиц в соседстве с личиками розовощеких младенцев. Закончив наблюдать за суесящимся вокруг этюдника Мефодием, незнакомец покопился на трех любопытных подростков, понял, что те подошли просто поглазеть, а затем распахнул плащ и вальяжно оседлал табуретку для клиентуры.

Наконец Мефодий соизволил обратить на незнакомца свое драгоценное внимание.

– Повернитесь немного на меня и постарайтесь не шевелиться, – деловито обратился к брүнету художник, поскольку пребывание прохожего на табуретке автоматически превращало его из зрителя в клиента.

Незнакомец беспрекословно подчинился и, ни слова не говоря, поменял позу. Только сейчас Мефодий как следует рассмотрел его лицо. Брүнет не являлся кавказцем, как это могло показаться на первый взгляд, да и кавказцы обычно предпочитали короткие стрижки, а не длинные шевелюры. Мефодий также отметил, что тип его лица не был горским, а скорее тяготел к латинскому, какой художник хорошо запомнил еще студентом, изучая работы Веласкеса. Но только, в отличие от гордых испанских грандов, глаза незнакомца излучали не надменность и порохообразную вспыльчивость, а как раз наоборот – взор его искрился дружелюбием и незлобивой иронией. Складывалось впечатление, что брүнета так и распирает от желания что-то сказать, но, несмотря на это, он продолжал хранить молчание.

«О цене даже не заикнусь, – подумал Мефодий, приступая к работе. – Такой нувориш, как ты, мелочиться не будет и в любом случае переплатит раза в три. Побольше бы вас захаживало сюда...»

Будто прочтя его мысли, незнакомец качнул головой и ухмыльнулся. Рука Мефодия несколькими изящными штрихами воспроизвела эту ухмылку на портрете – словно художник усмехнулся незнакомцу в ответ.

Брюнет и впрямь не поскупился. Выудив из портмоне не отечественный полтинник – стандартную таксу художника за тридцать минут работы, – а американскую двадцатку, брюнет, даже не взглянув на то, что извлек, передал купюру мастеру.

– Благодарю вас, – кивнул Мефодий и, сразу утратив антипатию к столь щедрому клиенту, добавил: – За это можете привести завтра вашу подругу – я напишу ее портрет совершенно бесплатно.

– Спасибо, буду иметь в виду, – первый раз за истекшие полчаса позирования заговорил патлатый и, оценив свой ухмыляющийся портрет, улыбнулся, после чего бережно свернул ватман в аккуратную трубочку. – А у вас и вправду талант. Я нигде не мог раньше видеть ваши работы?

– Разве что в галерее университета искусств, – ответил Мефодий, – да еще в том случае, если вы поклонник местного пива...

– Значит, нигде, – подытожил незнакомец и зачем-то вновь полез в портмоне. – Однако вы определенно заслуживаете большего... Сейчас... Да где же она? А, вот!..

Элегантно зажав визитку между указательным и средним пальцами, он протянул ее Мефодию.

– Звоните в любое время дня и ночи, – произнес незнакомец, пряча портмоне во внутренний карман плаща.

Мефодий посмотрел на визитку:

М и г е л ь

Официальный Исполнитель

HEAVENS GATE INC.

Аудит / Консультации / Адвокатура

55 сектор) тел. 000-000-000-000-055

«Ни разу не слышал о таких, но, судя по внешнему виду и кошелькам, – ребята серьезные. Странно, тут одно имя и никакой фамилии!.. А это что за ерунда такая?..» – удивился Мефодий при виде неправдоподобного телефонного номера. Но едва он собрался заострить на нем внимание незнакомца, как увидел, что тот удаляется в обратном направлении торопливой – не в пример той, которой он прибыл сюда, – походкой. Возле уха он держал трубку мобильного телефона и, резко жестикулируя, взволнованно с кем-то переговаривался.

Мефодий вновь посмотрел на телефонный номер, состоящий из тринадцати нулей и двух пятерок, очевидно, и символизирующих указанный выше пятьдесят пятый сектор, а потом пожал плечами и сунул визитку в нагрудный карман пиджака; в конце концов, сейчас столько видов мобильной связи развелось, что ничему удивляться уже не приходится.

Патлатый брюнет был не единственной неординарной личностью, появившейся сегодня в парке имени Розы Люксембург. Не прошло и часа после его ухода, как с противоположного конца аллеи, меряя асфальт широченными шагами, к Мефодию приблизился субъект таких габаритов, каких уличному портретисту Ятаганову в своей жизни наблюдать еще не приходилось. Первой мыслью Мефодия при виде гиганта было то, что Староболотинск посетил не кто иной, как трехкратный олимпийский чемпион по греко-римской борьбе Александр Карелин, однако это умозаключение пришлось тут же отвергнуть. В отличие от подтянутого Сан Саныча гигант больше напоминал борца профессионального реслинга: огромная голова, бычья шея, широченные плечи и массивные руки, едва не разрывающие рукава куртки, ноги-колонны, поддерживающие неохватный торс. При встрече с этим человеком завсегдатаи парка волей-неволей теснились к краю аллеи.

Поравнявшись с Мефодием, великан замедлил шаг и остановился. А Мефодий начал всерьез опасаться за судьбу своей табуретки, если этот некто вдруг надумает присоединиться к числу его клиентов. Но, как выяснилось, опасался напрасно.

Внезапно задрав нос, гигант поводил им туда-сюда, словно занятый поисками самки самец горной гориллы, после чего медленно обвел мутным взглядом окрестности. Потом громила повел себя и вовсе странно: присев на корточки, он приложил ладонь к асфальту, а затем поднес ее к носу и принялся сосредоточенно обнюхивать.

Такое престранное поведение не осталось незамеченным двумя юными блюстителями правопорядка, которые маячили неподалеку и, поигрывая дубинками, пытались завязать разговор со стайкой хихикающих студенток. Патрульные переглянулись и, браво расправив плечи (по сравнению с плечами гиганта просто цыплячьи), двинулись к сидевшему на корточках исполину.

Мефодию показалось, что тот учуял их, поскольку сразу же прекратил обнюхивать ладонь, не оборачиваясь, поднялся и зашагал к выходу из парка, так и оставив милиционеров недоуменно чесать затылки...

Мефодий перевел взгляд с визитки на настенные часы – половина двенадцатого. Позвонить или нет? Момент, конечно, не для делового разговора, но ведь незнакомец сказал: «в любое время дня и ночи». Ну а раз так, то пусть не обижается, если звонок Мефодия вырвет его из объятий какой-нибудь белокурой распутницы.

Боясь сбиться со счета, нажимая на «ноль» тринадцать раз подряд, Мефодий все-таки рискнул. Но после того как аппарат «проглотил» последнюю «пятерку», все гудки в трубке напрочь исчезли и там надолго воцарилась мертвая тишина.

– Я же говорил: чушь собачья – не бывает таких номеров! – пробурчал Мефодий, но только собрался положить трубку на место, как вдруг оттуда, во всю мощь маленького динамика, донеслись звуки фанфар.

Мефодий осторожно поднес ожившую трубку к уху, как будто это была вовсе не трубка, а раскаленный утюг из «бородатого» анекдота.

– Хорошо, что вы позвонили! – обрадованно произнесли на противоположном конце линии.

Мефодий побоялся, что его приняли за другого, а потому на всякий случай уточнил:

– Это я – Мефодий, тот художник, что рисовал ваш портрет в парке.

– Ну разумеется, не президент! – усмехнулась трубка. – Да и президент в отличие от вас не имеет чести знать номера моего телефона.

– Я не оторвал вас от дел? – вежливо полюбопытствовал Мефодий. – Если да, то могу перезвонить; как-никак поздно уже...

– Поздно? – недоуменно произнес Мигель – теперь Мефодий не сомневался, что с ним разговаривал именно незнакомец из парка. – Ах да, забыл, вы же нуждаетесь в регулярном

ночном сне!.. Нет-нет, что вы, моя жизнь с некоторых пор не зависит от обращения этой планеты вокруг Солнца...

«Не иначе, как пьян! – вынес диагноз Мефодий. – Несет сущую бредятину».

– О, кажется, я вас обидел!.. – произнес Мигель, и у Мефодия снова закралась мысль, что этот тип просто читает его мысли. – Простите, не берите в голову... Ладно, давайте о деле: как вы уже, видимо, догадались, наша фирма хотела бы предоставить вам работу.

– Временный заказ?

– Нет. Постоянную и на хороших условиях.

У Мефодия зашумело в голове – этот вердикт он мечтал услышать еще со времен выпуска из университета. Он тут же простил Мигелю все обиды и в радостном нетерпении забарабанил пальцами по телефонной полочке.

– Но почему именно я? У вас ведь даже нет на меня рекомендаций...

– Ну, скажем так... я чувствую в вас огромный потенциал, который, возможно, в скором времени нам пригодится. А написанный вами портрет говорит за вас лучше всяких рекомендаций.

– Вообще-то... я не уверен, – стушевался Мефодий от такой высокой оценки своих скромных талантов, – что смогу быть чем-то полезен по основному профилю вашей деятельности. К аудиторству и адвокатуре я не имею никакого отношения...

– Нет, по этой специализации мы вас привлекать не собираемся, – пресек его сомнения Мигель. – Просто нашей фирме по разнарядке свыше потребовали иметь в штате художника, а вы, я так понимаю, вроде бы безработный...

– Да, безработный, – подтвердил Мефодий. – Но зачем вам в штате художник?

– Вот я и предлагаю поговорить об этом при личной встрече, то есть у вас дома. У вас же наверняка имеется дома масса всяких эскизов, набросков и прочих этих ваших... заготовок, так ведь?

– Да, конечно...

– И вы, надеюсь, не будете возражать, если я заеду к вам, скажем... через полчаса и мы в спокойной обстановке посмотрим ваши работы и побеседуем обо всех тонкостях вашего контракта?.. Или, может, вы уже собрались лечь спать?

– Да какой теперь сон – вы меня заинтриговали. Простите, Мигель, кроме имени, я не знаю ни вашей фамилии, ни отчества...

– Мигель. Просто Мигель.

– Разумеется, приезжайте, Мигель. А я пока приберусь тут немного.

– Творческий беспорядок?

– Банальный бардак...

– Заметано! – подытожили на том конце линии и предупредили: – Но только я буду с коллегой. Он наш кадровый психолог, да и по части живописи больше подкован.

– Приезжайте с коллегой, – согласился Мефодий и заметил: – А вы дотошно подходите к подбору кадров!

– Это верно, – подтвердил Мигель. – С этим у нас строго. Выживание в бизнесе заставляет, знаете ли...

После ухода Раисы – ухода, по мнению Мефодия, подлого и некрасивого – первым желанием Ятаганова-младшего было съехать с этой квартиры куда подальше. Этого требовала задетая гордость, однако ее призывы пришлось проигнорировать.

На следующий день после прощального Раисиного реверанса к Мефодию наведалься Кирилл и, отпихнув с порога кинувшегося на него с кулаками брата, попросил того не мельтешить.

– Знаешь, братишка, я прекрасно тебя понимаю, – проговорил он с явно наигранным сочувствием. – Но такова жизнь! И если ты Раису по-настоящему любишь, то дай ей право

на будущее, действительно ее достойное. А ты живи здесь, тебя никто не выгоняет; брат ты мне или не брат, в конце концов? И без обид, хорошо?

Резон в словах Кирилла и впрямь просматривался, а альтернатива у Мефодия была только одна – возвращение в родной райцентр, где перспектив для художника не было вообще никаких. А потому, просидев добрых три часа в том самом углу, куда оттолкнул его Кирилл, Мефодий скрепя сердце решил оставить все как есть и жить дальше, закопав эти полтора года с Раисой в глубокую могилу забвения.

«Странно, почему я настолько спокоен? – думал он, потирая вскочившую на голове от нечаянного удара о стену шишку. – Может, я уже по-тихому рехнулся и в этом вся загвоздка? Как будто те предохранители, что перегорали во мне раньше и при меньших нервотрепках, кто-то выбросил и поставил вместо них толстую медную проволоку... Но только ничего в этом хорошего нет; нутром чую, что нет...»

С той поры жизнь для Мефодия словно утратила некий ориентир, на который он упорно пытался выйти, и теперь бесцельно дрейфовала, подхваченная медленным, но неумолимым течением времени. Мефодию не раз доводилось слышать о том, что коварная штука – жизнь внешне чем-то похожа на зебру – полоса белая, полоса черная... В целом с таким живописным сравнением он соглашался, но только в последнее время Мефодия стали терзать сомнения по поводу кое-каких деталей этой философской концепции. Мефодию казалось, что, угодив на очередной «черный» промежуток, он вдруг по непонятной причине совершил строевой поворот на девяносто градусов и вплоть до настоящего момента упорно маршировал вдоль, а не поперек этой мрачной полосы. А она с каждым шагом становилась все мрачнее и мрачнее...

Вначале он, что называется, попал под раздачу, выйдя по невнимательности поработать в парк аккуратно на День доблестного воздушно-десантного воинства. В прошлом году Мефодий воздержался от посещения этого праздника, когда по всей стране отставные десантники наглядно демонстрируют тем, кого они обязаны защищать, каким образом будут громить посягнувшего на Родину агрессора. Ну а поскольку сам агрессор был в это время далеко, его роль по уже сложившейся традиции продолжали играть рыночные торговцы с Кавказа, допризывная молодежь, ОМОН или, в крайнем случае, свои же собратья по оружию.

Сперва все протекало тихо, мирно и в какой-то степени даже весело. Дюжие хлопцы в голубых беретах, пребывая в нормальном для праздника «подогретом» состоянии духа, охотно подсаживались к художнику и позировали столько, сколько от них требовалось. Благодарили же Мефодия кто деньгами, а кто и просто поднесенной стопкой, от которой художник, боясь смертельно обидеть грозных клиентов в святой для них день, предпочитал не отказываться.

«Какие замечательные ребята, – думал изрядно захмелевший под вечер Мефодий, стоя в окружении новых друзей, напавших на него на голову берет и даже подаривших на память настоящий десантный тельник. – Веселые, дружные. Не то что эти дебильные студенты...» Конфликт возник на пустом месте. Внезапно к их уже сформированному коллективу подошли еще пятеро молодцов в таких же камуфлированных штанах и лихо заломленных на затылок беретах. После обязательного ритуала братского приветствия (в котором принудительно поучаствовал и Мефодий) никто не мог даже предположить, что все закончится так трагично.

– Эй, ты, маляр, – глядя на Мефодия остекленевшими глазами, обратился к нему самый малорослый из подошедших. – А ну-ка, намарай нас на память всех вместе!

Несомненно, живи Мефодий в Германии, где любой художник от оператора краскопульты до всемирно известных Альбрехта Дюрера и Кете Кольвиц – *der Maler*, он бы не обиделся. Но на русском это обращение звучало для портретиста оскорбительно. И пока

Мефодий собирался с мыслями, намереваясь отстоять честь своей поруганной профессии, его опередил белобрысый крепыш, чей берет красовался сейчас на голове у художника.

– Спокойно, братан! – сказал он, поднимаясь со стульчика и панибратски хлопая малорослого по плечу. – Погоди, не гони – пусть Мишка, – так по-свойски десантники окрестили Мефодия, – сначала со мной разберется.

– ...дцатая? – вдруг спросил у белобрысого один из товарищей малорослого – сухощавый верзила с пушистым, как помазок, аксельбантом на камуфлированной куртке.

– ...дцатая гвардейская! – гордо поправил его белобрысый, щелкнув себя по юбилейному значку на небольшом «иконостасе» кителя.

– Ну и где была ваша гвардейская, когда нас обложили в ...ком ущелье? – презрительно сощурился верзила. – Зажались, как бабы в У...ке, когда наши пацаны там ротами гибли! Зато здесь все вы... «гвардейские»! Трусы!

Белобрысый задумался, переваривая захмелевшей головой только что услышанное, потом насупился, шумно втянул перебитым носом воздух и вплотную придвинулся к носителю аксельбанта:

– А ну-ка, повтори!!!

Верзила не счел за труд повторить...

Так Мефодий, не отслуживший после университета положенного года по причине плоскостопия, сам того не желая, угодил в междивизионные разборки отставного десантного контингента. Еще ни разу в жизни ему не доставалось так крепко. Даже злые бритоголовые гопники, испытывающие антипатию ко всем небритоголовым в целом и к уличным художникам в частности, и те не колотили его с таким педантизмом. Наверное, следовало считать за честь, что крепкими побоями «Мишку» невольно приравнивают к полноправным членам боевого братства, но стоящий на четвереньках и получающий по лицу рифлеными подошвами армейских ботинок Мефодий особой гордости по этому поводу не испытывал.

...Уже смеркалось, когда Мефодия привели в чувство сердобольные омовцы. Мефодий лежал на примятом газоне недалеко от места своего боевого крещения. Ветер лениво носил вокруг рваные листы ватмана, а обезноженный этюдник (ножки его были отломаны и вместе с табуреткой использованы дерущимися в качестве оружия) щерился на художника щепами треснутой фанеры, словно выбитыми в драке зубами...

Сломанные ребра срослись, швы с рассеченной брови сняли, синяки и шишки рассосались, а хромота походка снова стала ровной. Были куплены с рук новые этюдник и стульчик, заштопан порванный пиджак. Жизнь вернулась к своему привычному состоянию.

Но ненадолго...

Следующая пренеприятная история стряслась аккурат по первому осеннему гололеду и, хоть протекала она практически без рукоприкладства, страху на Мефодия нагнала несоизмеримо больше.

Неприятность эту стоило бы отнести к соседским неурядицам, но только сосед у Мефодия был не из тех, к кому можно было запросто сходить за сигаретами или одолжить червонец. Да и просто по-соседски поинтересоваться у него, как дела.

Виктор Тутуничев, более известный в Староболотинском РУБОП как Тутанхамон, являлся представителем тех структур, которые с некоторых пор принято именовать «теневыми». Проживал Тутанхамон этажом выше Мефодия и имел в своем распоряжении совмещенные в единый блок трехкомнатную и две двухкомнатные квартиры. В оставшейся однокомнатной, что находилась прямоком над квартирой художника, дислоцировался взвод тутанхамоновской охраны. Лестничную площадку Тутанхамона от самой лестницы отделяла стальная клетка, оставляющая лишь малое пространство для прохода проживающим выше жильцам. По поводу этого сваренного из арматуры сооружения среди обитателей подъезда номер один ходила дежурная шутка: дескать, Тутанхамон сварганил клетку на

память о месте своего недавнего восьмилетнего пребывания, где подобного добра вкупе с километрами колючей проволоки было предостаточно.

На лифте Тутанхамон отказывался ездить категорически, хотя и жил на предпоследнем этаже. Не то чтобы ходьба по лестнице доставляла ему удовольствие, нет. Скорее наоборот – грузному и страдавшему одышкой Тутанхамону преодоление лестничных пролетов казалось каждодневным восхождением на Голгофу. Однако человеку, на которого раз в полгода открывали охоту разного рода киллеры, выбирать особо не приходилось – перед глазами Тутанхамона стоял живой (а точнее – некогда живой) пример подобной неосмотрительности: предшественник Тутуничева на посту лидера центральной преступной группировки был взорван радиоуправляемым фугасом именно в лифте собственного дома.

А потому при следовании Мефодия по подъезду его частенько оттирала к стене дозорная группа Тутанхамоновых телохранителей, чей наметанный глаз, правда, сразу определял полную профнепригодность худосочного Мефодия к специальности киллера. И несмотря на это, Мефодий все равно умудрился перейти дорогу такому известному человеку, как господин Тутуничев. Причем перейти в прямом смысле этого слова...

Купленный Мефодием на вещевом рынке этюдник страдал противной привычкой. Одна из его ножек, будучи донельзя разболтанной, никак не хотела фиксироваться в сложенном положении и постоянно выезжала на всю длину тогда, когда этого от нее вовсе не требовалось.

То же самое произошло и в это злополучное утро на выходе из двора Мефодиева дома. Мефодий стоял посреди узкого проезда и негромко ругался, пытаясь сложить раскрывшуюся ножку этюдника, как вдруг из-за угла прямо на него вырулила серебристая громада новенького «Паджеро» Тутанхамона.

Виктор Игнатьевич, как раз с полмесяца назад переживший очередное неудавшееся покушение, держал своих бойцов в полной боевой готовности. Именно поэтому водитель Тутанхамона, едва узрев на пути человека, держащего наперевес нечто напоминающее снайперскую винтовку да еще производящего с ней похожие на передергивание затвора манипуляции, резко ударил по тормозам...

Была середина октября – время, когда ночной морозец сковывает оставшиеся после дневного дождя лужи ледяной коркой. Угодив на такую при торможении, «Паджеро» пошел юзом, развернулся на четверть оборота и что было силы ударился боком о ларек со стеклотарой и окружающие его бутылочные ящики.

Грохот и звон разбитого стекла пронесся между типовыми десятиэтажками, а к ногам открывшего рот от неожиданности Мефодия подкатились бутылки вперемешку с пластиковыми ящиками. Сам джип с напрочь смятым крылом и водительской дверцей замер от него всего в нескольких шагах, зловеще взирая на Мефодия черными тонированными стеклами.

Задняя дверца медленно распахнулась, и на свет божий вылез один из тутуничевских телохранителей. Свирепый взгляд телохранителя сначала заставил ретироваться внутрь ларька поднявшего было крик приемщика, затем обратил в бегство парочку отиравшихся возле ларька бомжей, а после замер на Мефодии, не обещая ему ничего хорошего.

Ни слова не говоря, телохранитель поманил Мефодия к себе. Мефодий тоже хотел броситься наутек, но ноги предательски отказывались ему повиноваться. Да и какой от этого был бы прок? Скрытый за тонированными стеклами «Паджеро» Тутанхамон наверняка уже узнал своего соседа по подъезду.

– А в чем дело? – дрогнувшим голосом поинтересовался Мефодий, игнорируя призывный жест телохранителя. – Я тут ни при чем! И вообще, мне надо идти!..

Телохранитель – в прошлом, вероятно, мастер спорта по борьбе или по боксу – раздраженно сплюнул и так же молча зашагал к остолбеневшему среди рассыпанных бутылок Мефодию.

– Что такое? – продолжал возмущаться влекомый за шиворот к автомобилю художник. – А ну-ка, руки убери, ты!..

Телохранитель выполнил требование лишь наполовину: одну руку он все-таки убрал, но только для того, чтобы отвесить ею подконвойному ощутимый подзатыльник. Таким неблагородным манером Мефодия доставили к задней дверце «Паджеро», которую немногословный крепыш-поводырь тут же услужливо перед ним отворил.

– Я туда не лезу! – замотал головой Мефодий и, выставив перед собой этюдник, прикрылся им, будто рыцарским щитом. – Если что хотите, говорите здесь!

– Не полезешь туда – погрузим в багажник, – проронил телохранитель, а после, ухватив Мефодия, как подозреваемого в полицейском боевике, за шею, согнул его пополам и запихнул внутрь салона вместе с этюдником.

Массивная туша Тутанхамона возлежала на левом краю заднего сиденья. Вместе с Тутанхамоном и водителем в автомобиле находился еще один телохранитель, держащий в руке явно не газовый «хай-пауэр».

Мефодий хотел было остаться с краю сиденья, но его сдвинул на середину втиснувшийся следом за ним молчун. Таким нечаянным образом для Мефодия осуществилась давняя мечта всех охотников за головой Тутанхамона – он очутился от него на расстоянии вытянутой руки.

– Да поймите же – я здесь абсолютно ни при чем! – обращаясь к Тутуничеву, залепетал художник. – Скользко, вашу машину занесло, а я...

Тутанхамон кивнул телохранителю, и тот отвесил «гостю» повторную затрещину.

– Ну в самом деле, вы же разумные люди... – вновь попытался отстоять свою правоту Мефодий, но напоминающий кузнечный молот кулак с надетым на палец крупным золотым перстнем недвусмысленно замер в паре сантиметров от его носа.

– Тише ты, и так голова раскалывается, – поморщился Тутанхамон и похлопал по спинке водительского сиденья. – Поезжай, Санек, а то торчим среди этого бомжатника у всех на виду...

«Паджеро» плавно тронулся с места, за пять секунд проделал оставшийся до подъезда путь и не менее плавно припарковался, тем самым наглядно демонстрируя преимущества солидного автомобиля.

– А я тебя знаю! – проговорил Тутанхамон, изучая лицо Мефодия маленькими, как у поросенка, глазками. – Ты ведь тоже здесь обитаешь, так?.. – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Если не знаешь, как меня звать-величать, то для тебя я – Виктор Игнатьевич.

– Виктор Игнатьевич, это, видимо, какое-то недоразумение... – забубнил Мефодий.

– Да погоди! – осадил его Тутанхамон. – Ну а твое имя? Когда заходишь в гости к незнакомым людям, то для начала надо бы представиться. Или в детстве понятиям этикета не обучен?

Мефодий, хоть и был напуган до полусмерти, все же отметил, что у Тутуничева тоже имеется чувство юмора, правда, немного своеобразное.

– Мефодий, – угрюмо назвал его. – Мефодий Ятаганов.

– Ятаганов... Ятаганов... – Тутанхамон что-то усиленно припоминал. – А Кирилл Ятаганов, что на Северо-Восточном пару магазинчиков держит, не братом ли тебе доводится?

– Да, братом, – тупо уставившись в спинку переднего сиденья, ответил Мефодий.

– Ну так тем лучше для нас обоих! – осклабился Тутанхамон. – Значит, не придется тебе, Мефодий, квартиру свою продавать!

– А это еще зачем? – напрягся Мефодий, хотя ответ на свой вопрос уже знал.

– Ну и туго же ты, Ятаганов, соображаешь! – От раздражения Виктор Игнатьевич даже заерзал. – А за «Паджеро» кто рассчитываться будет?

– Да не виноват я!..

– А кто виноват? – спросил Тутанхамон.

– Не знаю...

– Он не знает! – воскликнул Тутуничев. – Зато я знаю! Виноват ты! Ладно, слушай внимательно: за причиненный мне моральный и материальный ущерб с тебя причитается... – Тутанхамон наморщил лоб, очевидно, производя в уме арифметические вычисления. – Четыре тысячи двести... А, ладно, по-соседски сброшу... Итого, четыре штуки ровно!

Что не рублей, Мефодий догадался и без подсказок.

– Ну почему? – едва не плача, промямлил ошарашенный предъявленной ему суммой Мефодий. – Что я такого совершил? Я же просто мимо проходил...

– Изволь, господин хороший, объясню, – сделал одолжение Тутанхамон. – Ты торчишь посреди дороги, с железной палкой, так?.. Так! Чего ты там забыл? Никто не знает. Санек, – обратился он к водителю, – там есть пешеходный переход?

– Нет, – ответил Санек. – Вот видишь, Мефодий: перехода нет!.. А светофор?

– И светофора, Игнатьич, тоже там нет, – снова подтвердил Санек.

– И светофора тоже там нет, – повторил Тутанхамон. – А ты торчишь прямо посреди дороги да еще палкой железной в нас тычешь! Кто тебя знает, а вдруг ты сейчас возьмешь да и пульнешь по нам из винтаря!.. В общем, скажи спасибо Саньку, что кишки твои на колеса не намотал, а, можно сказать, пожалел тебя... Когда сможешь расплатиться?

Мефодий судорожно вцепился в этюдник и крепко прижал его к себе, как будто Тутанхамон собирался в первую очередь реквизирировать именно его. Оглашенная сумма была для Мефодия чудовищной, а спорить и доказывать что-то этой прямолинейной публике без опасения вновь получить по шее являлось столь же невозможным, как и собрать требуемые деньги.

– Э-э-э, да кто бы переживал! – Тутанхамон ободряюще потрепал стушевавшегося Мефодия по плечу. – Звони брату! Уж для кого, а для него четыре штуки не вопрос. Короче, Ятаганов-младший, срок тебе, ну скажем... до понедельника. Пять дней я, так и быть, подожду. Но не больше! И учти: это я с тобой еще по-соседски...

Присущее вольным художникам чувство гордости и в лучшие времена не позволяло Мефодию беспокоить брата такими вопросами, а теперь как с бухты-барахты – сразу четыре тысячи! Конечно, брат есть брат, он наверняка Мефодия выручит, но какой нокаутирующий удар получит Мефодиево самолюбие! А Раиса-то как посмеется! Ну и, само собой, перед тем, как отсчитать Мефодию эти чертовы деньги, оба поиздеваются всласть! Пускай, дескать, этот «староболотинский Пикассо», как любил при родителях называть брата Кирилл, наконец-то убедится, кем он является в этой жизни: полным ничтожеством... Однако перспектива иметь в кредиторах Виктора Игнатьевича Тутуничева, отделенного от Мефодия лишь потолочными плитами, была куда нежелательнее.

– А скажи-ка мне, любезный, – выводя Мефодия из полуобморочного состояния, обратился к нему Тутанхамон. – Зачем ты и зимой и летом носишься с этой деревянной лопатой? Мне это чисто из любопытства.

– Это не лопата, – буркнул Мефодий. – Это этюдник.

– А на хрена этот... ну, как ты его сейчас назвал... нужен?

И хоть Мефодий находился не в том настроении, чтобы заниматься культпросветом, но все-таки нашел в себе силы объяснить Тутанхамону, чем зарабатывает себе на жизнь.

– Вот те раз! – отреагировал на это Виктор Игнатьевич. – Никогда не встречал реального Шишкина! И школу специальную заканчивал?

– Университет искусств...

– Не хило!.. Ну ладно, валяй к братану за компенсацией, и мой тебе совет: не тяни. А то веришь, нет: я хоть и не Шишкин, но под хохлому тебя расписать всегда смогу...

Прошло не более шести часов. Мефодий сидел на кухне и, несмотря на то, что спина его была прижата к теплой батарее, никак не мог согреться. Колотило же его не от холода, а от неизбежного посыпания головы пеплом и разрывания собственных одежд перед всемогущим Кириллом. Он давно закончил зубрить самоунижающий монолог и уже готовился вынести его на суд брата, когда сосед с верхнего этажа вновь напомнил о себе.

– Виктор Игнатьевич сказал: к понедельнику, – начал было оправдываться Мефодий перед едва не свернувшими ему кулаками дверь тутуничевскими телохранителями.

– Пошли. Игнатьич по-новому перетереть с тобой хочет, – лаконично проинформировал Мефодия один из них, а второй нежно подхватил художника под локоть.

Догадываясь, что сослаться на плохое самочувствие не удастся, Мефодий подчинился.

Трехквартирный блок Виктора Игнатьевича Тутуничева поражал прежде всего своими ковровыми просторами (все некапитальные перегородки в нем были переделаны либо вовсе устранены за ненадобностью), на которых можно было свободно играть в гольф. Интерьер и все остальное поражал уже во вторую очередь. Владелец апартаментов усадил гостя в мягкое кресло и без лишних слов разлил по рюмкам водку из небольшой, но более благородной, чем банальная чекушка, бутылки.

– Виктор Игнатьевич, я еще не звонил Кириллу насчет денег, – сразу выпалил Мефодий, – но вы же сами сказали, что через пять дней...

– Выпей! – велел Тутанхамон и махнул маячившему в дверях телохранителю: – Не в службу, а в дружбу, Колян, сообрази-ка нам что-нибудь закусить.

Рюмка в руке Мефодия слегка подрагивала. Тутанхамон нашел это забавным и, сверкнув золотыми зубами, аккуратно поднес к рюмке гостя свою, после чего произвел вежливый «чин-чин».

– погоди пока звонить... – Выпив, Тутанхамон поморщился и, не дожидаясь, пока поднесенная Николаем тарелка с ветчиной опустится на стол, взял с нее ломтик, а затем метнул его в рот вдогонку водке. – Тут нарисовалось кое-что до общей картины. Проблемка маленькая...

На Мефодия вместе с приятной теплотой от своевременной как никогда порции успокоительного снова нахлынули нехорошие предчувствия: сейчас Тутанхамон скажет, что деньги нужны ему через полчаса, или того хуже – увеличит сумму компенсации!..

– Видишь ли, в чем суть: братан твой под присмотром Конопатого работает, – продолжал Тутуничев. – Я тут проверил кое-какую информацию – говорят, Ятаган и Конопатый закорешились сильно, дела там у них совместные или типа того. Я тоже с Конопатым недавно мировую пил, потому сам понимаешь, если до него вдруг дойдет, что я на тебя наехал... В общем, портить отношения мне с Конопатым сейчас не резон, тем паче из-за каких-то четырех штук. Так что о деньгах забудь. Но ты рано радуешься! – сразу же осадил он глупо заулыбавшегося Мефодия. – Долг есть долг, и отдавать его, как ни крути, надо.

– Но у меня нет ничего ценного, – проговорил Мефодий. У него перед глазами все плыло, но не столько от водки, сколько от того, что унижительное выпрашивание денег у брата отменяется. – Квартира это не моя, тоже Кирилла, а весь мой инвентарь не потянет и на пятьсот долларов...

– Ты будешь на меня работать! – заявил Тутанхамон.

– Я – на вас?! – изумился Мефодий и перевел взгляд на смотревшего телевизор телохранителя. – Да он на меня дунет, я и упаду!

– Ха! – Тутанхамон откинулся в кресле и, ткнув в Мефодия перстненосным пальцем, визгливо расхохотался. – Нет, Колян, ты слышал? Шишкин думал, что я зову его к себе в бойцы! Во, загнул так загнул! Его – в бойцы!

Колян покосился на Мефодия и презрительно хмыкнул.

– Не-е, расслабься, – прекратив смеяться и, разливая по второй, проговорил Виктор Игнатьевич. – Уж как-нибудь без тебя обойдемся. А ты вроде бы говорил, что картинки всякие рисуешь?

– Да, сейчас я специализируюсь в основном на графике, – сказал Мефодий.

– Да мне без разницы! – Тутанхамон снова выпил. Глядя на него, выпил и Мефодий. – Короче, чтобы ты, упаси бог, никому не ляпнул, что, дескать, Виктор Игнатьевич на тебя наехал, давай вообразим такую ситуацию: будто бы я прихожу к тебе, даю эти самые четыре штуки и говорю: «Мефодий, сосед, выручай! Я человек солидный, ко мне в офис приходят солидные люди, а там на стенах одни голые обои. Несолидно, понимаешь, как-то...» А ты мне отвечаешь: «О чем базар, Виктор Игнатьич! Да разве сосед не поможет соседу? Да всегда пожалуйста!..» Ну, продолжай!

Мефодий, кажется, понял, чего от него хотят, и робко поинтересовался:

– Вы хотите заказать мне картину?

– Ну вот, быстро соображаешь! – заулыбался Тутанхамон. – Конечно, картину, что бы я еще, интересно, тебе заказывал? Не конкурента же, в конце концов! Ну и в каких картинах ты самый большой мастак? Природа? Море? Или, может, бабы голые?

– В портретах, – ответил Мефодий.

– Тоже неплохо! – кивнул Тутанхамон. – Помнишь, Колян, у Никифора на даче его портрет над камином здорово смотрелся. Никифор божился, будто штуку за него отвалил! А я хочу такой же, но в офис и за четыре. Понимаешь?

– А какой желаете размер? – поинтересовался Мефодий. – Высота, ширина рамы?

– Это тебе должно быть виднее, – задумчиво почесал лысеющую макушку Виктор Игнатьевич. – Но за штуку баксов это было где-то...

И Тутанхамон изобразил руками раму, имевшую размеры что-то около восьмидесяти сантиметров на полметра.

– Вот и посчитай, – добавил он. – Это за штуку, а надо за четыре.

– Будет вам портрет за четыре штуки! – уже не дрожащим, а вполне уверенным голосом пообещал Мефодий. – Портрет ровно в четыре раза больше, чем за штуку!

– Вот это деловой подход! – согласился Тутанхамон и, предлагая отметить заключенный договор, наполнил рюмки по третьему разу. – Проблемы будут?

Мефодий прикинул в уме: берем указанные заказчиком размеры, увеличиваем их в два раза; грубо округляя, выходило где-то метр пятьдесят на метр... Нет, с технической стороны проблем не было. Десять квадратов превосходного холста еще советской мануфактуры было год назад куплено за бесценок у бывшего обкомовского агитплакатчика. Грунтовка, краски – все это, как у практикующего специалиста, тоже имелось в избытке. Загвоздка была в другом – лицо (если выражаться предельно мягко) Тутанхамона: одутловатое, с двойным подбородком и торчащими, как ручки кастрюли, ушами, редкие бледные волосы и короткая, практически отсутствующая шея... И в масштабе один к одному оно не вызывало у Мефодия вдохновения, а уж воссоздание его на площади в полтора квадратных метра!.. Впрочем, выбирать не приходилось, однако выход из этой ситуации все-таки имелся...

Не желая показаться невежливым, Мефодий для начала извинился и только потом поинтересовался у заказчика, а как он посмотрит на то, если будет изображен не в канонических портретных традициях, а, скажем так, в контексте...

Воцарилась зловещая пауза, в ходе которой Тутанхамон и Колян обменялись вопросительными взглядами. По их реакции Мефодий понял, что выражение «изобразить в контексте» отсутствует в лексиконе обоих, а потому требует дополнительного перевода.

– Ну это если вы будете изображены не на задрапированном фоне, – как можно понятнее разъяснил он, – а, к примеру, играющим в казино, отдыхающим в сауне, стоящим возле вашего автомобиля или там...

Мефодий хотел закончить «... сидящим у камина с книгой», но передумал, поскольку так и не сумел вообразить подобную сцену.

Судя по тому, как у Виктора Игнатьевича вновь засверкали благородного металла зубы, Мефодий догадался, что предложение явно пришлось Тутанхамону по душе.

– А ты, Шишкин, и впрямь ученый! – уважительно произнес Тутанхамон. – Это ты сейчас дельную вещь сказал. Только... казино, баня, машина... Нет, все не то. Осточертело все это... Слушай, а вот, скажем, рядом с Эйфелевой башней сможешь меня запечатлеть? – И, заметив, как удивился его экстравагантному желанию Колян, пояснил: – Давно хотел туда мотануть. Елисейские Поля, Лувр, собор Парижской Богоматери... Мечта босоногой юности.

– Обижаете, Виктор Игнатьевич! – вконец осмелел Мефодий. – Да хоть на Северном полюсе...

Услыхав про полюс, Тутанхамон вдруг помрачнел, но не агрессивно, а с налетом легкой меланхолии:

– Нет, на полюс не хочу. Я за Полярным кругом первый срок мотал. Там холодно. И смотреть-то там нечего, а рисовать и подавно. Туда, Шишкин, меня отправлять не надо...

Под видом студента-заочника Мефодий проник в читальный зал областной библиотеки и самым бесстыжим образом выдрал лист из подшивки журналов «Вокруг света». На коварно добытом артефакте был изображен нужный фон его будущего полотна, нареченного в тайне ото всех «Парижские каникулы Тутанхамона Староболотинского».

Спать приходилось по три часа в сутки, но зато за десять дней все долги соседу сверху были полностью возвращены. Два дня из горячей декады штрафработ Мефодий провел в Тутанхамоновых апартаментах, где был предусмотрительно свернут в рулон один из шикарных иранских ковров и на голый пол водружен уже не переносной этюдник, а самый настоящий мольберт – одна из немногих имевшихся у Мефодия ценных вещей. А доставили мольберт наверх по узким лестничным пролетам Колян и его верные адъютанты. Строя на лице подчеркнуто аристократическое выражение, Тутанхамон покорно отпозировал положенное, изредка отвлекаясь то на телефонный звонок, то на перекур.

Задний план Мефодий рисовал уже дома. Подшивка попавшихся ему в библиотеке журналов оказалась за семидесятый год – то есть время, когда его заказчик пребывал в отроческом возрасте. Но ни мастера, ни его легкую кисть это не смутило, а потому вышедшее из-под кисти полотно частично можно было отнести к разряду фантастических.

...Виктор Игнатьевич Тутунчев – дородный мужчина сорока с лишним лет – в задумчивости стоял на набережной Ке-Дорсе, очутившись в Париже времен своей молодости, очевидно, при помощи не изображенной на картине машины времени. За его спиной спешили по делам парижане в короткополых фетровых шляпах и миниатюрные парижанки с накладными ресницами и в длинных плащах, одетые по моде той поры. По набережной катили круглозадые узкофарые «Ситроены», а в верхней левой четверти картины на фоне светлосерого неба уходила в зенит любимица Тутанхамона – широкобедрая стальная башня работы гениального Эйфеля.

Тутанхамон долго разглядывал себя на картине, сначала делал это в упор, едва не касаясь носом холста, а затем отошел в дальний угол зала. Он словно прикидывал, вся ли задолженная сумма представлена или хитрый Шишкин все же надул его на сотню-другую баксов.

– Ну, что скажешь? – поинтересовался Тутанхамон у присутствующего на просмотре Коляна.

– Без вопросов, Игнатьич, – Ятаган-младший свое дело знает, – отозвался тот. – Ты здесь почти как Шарль де Голль...

Инцидент с «Паджеро» был исчерпан. Напоследок Тутанхамон пообещал Мефодию свести его со своими друзьями из соседнего района, дабы художник имел возможность под-

заработать, но на настоящий момент от друзей Виктора Игнатьевича предложений ни в письменной, ни в устной форме не поступало.

Зима выдалась и вовсе безденежной. Морозы стояли лютые; о работе в парке пришлось забыть. Все попытки нести искусство в массы в переходах метро вызывали лишь конфронтацию с работниками милиции, а потому приходилось уповать на единственно стабильный источник пусть не бог весть каких, но все-таки доходов – продбазу. Там по причине активного физического труда работать можно было при любых температурах.

Но едва Мефодию стало казаться, что с первыми мартовскими оттепелями он увидел и край своей трижды проклятой «черной полосы», как вдруг на него свалилась очередная напасть...

Раису было просто не узнать: норковое манто, высокие – выше колен – сапоги из тонкой кожи и внушительный слой косметики на лице, которой ей, если по правде, злоупотреблять было еще рановато. Однако при огромном Раисином желании быть достойной своего мужа Кирилла Ятаганова облик ее соответствовал все-таки не светской львице, а главной героине американской мелодрамы «Красотка», когда она еще только-только повстречала своего «принца». Но как бы то ни было, Мефодий обрадовался, увидев Раису Николаевну у себя на пороге.

Чего нельзя было сказать о ней самой.

Проходить в квартиру Раиса не стала и от чая отказалась.

– Ну и свинарник у тебя! – брезгливо скривив губки, заметила она. – А где пустые бутылки? Уже успел сдать с утра?

– Я перешел на марихуану, – ответил Мефодий. – Она весьма способствует раскрытию творческих чакр.

– Откуда у тебя деньги-то на марихуану! – хмыкнула Раиса. – Ты если на что и перейдешь, так это с дешевой водки на дорогую самогонку.

– Какими судьбами занесло вас в мою обитель? – с иронией поинтересовался Мефодий. – Уж не сломался ли под окном ваш «Роллс-Ройс»?

– Эта обитель не твоя, а наша, – уточнила нежданная гостья. – Кстати, о ней и пойдет разговор. Кирилл решил продать эту квартиру. Срок тебе на поиск другого жилья до конца мая.

В подобном неожиданном решении Кирилла чувствовалось сильное влияние его новой супруги, поскольку даже во времена катастрофической нужды в средствах Кирилл о продаже квартиры не заикался. Понятное дело, Мефодия это сильно огорчило, но виду он не подал.

– Что ж, – вздохнул он, – вернусь в свой семейный особняк. Соскучился, понимаете ли, по палисандровым аллеям, гипсовым амурам и старому пруду. Уйду в добровольное загородное затворничество.

Раиса снисходительно покачала головой:

– А ты все тот же! Компенсируешь вечную нехватку денег плоским остроумием... Признаться, в первое время нашего знакомства оно мне даже нравилось, но потом я, к счастью, поняла, кто ты таков на самом деле.

– Можешь не повторять, я помню, – оборвал ее Мефодий. – Полный ноль как по оси абсцисс, так и по оси ординат, ничтожество и далее по списку синонимов...

– Именно! – кивнула Раиса. – Ну ладно, в общем, ты меня понял. До конца мая можешь еще разукрашивать здесь свои мешковины, а первого июня чтобы ни слуху ни духу. Да хоть приберись за собой, евроремонт мы уж как-нибудь без вас произведем...

– Могу оставить автограф на обоях, – съязвил Мефодий. – С вензелем великого портретиста квартирка уйдет по двойному номиналу.

– Пока, Петрович-Водкин, – помахала ручкой Раиса и, стряхнув с манто невидимую соринку, добавила на прощанье: – Пойду, а то молей тут у тебя нахватаю. Не буду отвлекать

тебя от купания красных коней и разгона зеленых чертей. Может, лет через десять и заработаешь на каморку в коммуналке...

Жаль было расставаться с этой квартирой. За два года Мефодий привык к ней: центральный район, рядом метро – одна остановка до парка, телефон и замечательный вид из окна... Но ничего не поделаешь – придется срочно что-то подыскивать, раз уж было суждено осесть в этом городе.

Правда, сейчас, когда им заинтересовались представители неизвестной, но, судя по признакам, солидной фирмы «Небесные Врата», появилась вполне сбыточная надежда, что те помогут Мефодию решить и квартирный вопрос...

Вынужденное квартирное самозаточение позволило Мефодию вновь вернуться к своему любимому детищу, работа над которым после празднования художником Дня ВДВ была приостановлена по причине месячной госпитализации и последующей кабалы у Тутанхамона.

Детище это представляло собой грандиозное полотно, создаваемое Мефодием в редкие минуты свободного времени. На первый взгляд полотно чем-то напоминало легендарный «Последний день Помпеи» Карла Брюллова. Что-то общее было и в названии – «Содом: день высшего гнева».

Мефодий трудился над полотном уже довольно давно, почти с того самого дня, как переехал в квартиру брата. Порывы к созиданию сменялись периодами творческой апатии, но работа мало-помалу продвигалась. Зависти к популярности Брюллова Мефодий не испытывал, а писал полотно скорее из соображений профессионального совершенствования и душевной релаксации.

Озарение сюжетом о гибели древних городов Содома и Гоморры пришло Мефодию внезапно и словно бы само по себе. С Библией он был знаком поверхностно, поскольку все попытки прочтения ее успехом не увенчались по причине тяжелого для Мефодия литературного стиля этого произведения. Но сами библейские сюжеты нравились художнику и относились им к популярному среди любителей фантастики (к каким Мефодий относил и себя) жанру фэнтези. Крылатые ангелы, воинственные боги, мудрые цари и храбрые воины, всепобеждающее Добро и мерзкое Зло – именно это, а не извечные дискуссии вокруг Библии, и делало ее достойной внимания.

Идея божественной кары целым городам была в художественном плане весьма заманчива, потому и сумела закрепиться в голове Мефодия. Отдельные сценки, будто составленные им по чьим-то подробным описаниям, постепенно сложились в единое целое, и не запечатлеть в красках столь яркую композицию Мефодий посчитал сродни преступлению перед самим собой.

...Лежащий в горной долине город полыхал, словно политый напалмом. Падающие с неба потоки горячей субстанции – предположительно серы – стекали с крыш на улицы и мечущихся по ним людей. Небесный Огонь не щадил никого, пожирая горожан целыми семьями.

Люди спешили к городским воротам, надеясь за высокими стенами, ставшими теперь не защитой, а настоящей ловушкой, найти вожаемое спасение. Но его не ожидалось и там – гигантская фигура с крыльями размахом как у «Боинга-747», рубила направо и налево отражающим блики пожаров и покрытым бурыми пятнами крови огромным мечом всех, кто посмел переступить городскую черту. Что творилось у противоположных ворот, ракурс разглядеть не позволял, но, судя по торчащим из-за стены краям чудовищных крыл и взлетающим выше башенного парапета человеческим телам, – то же самое. Потоки крови лились по мостовым в уличные дренажные канавы...

А над застилающими небосклон облаками ядовитой гари нависало равнодушное – с холодным взглядом и плотно сжатыми губами – огромное лицо. Принадлежало это лицо

тому, кто санкционировал резню, тому, кто обрушивал с неба тонны горячей серы, тому, кто, гордо именуясь Творцом, жизнь не только давал, но и отбирал...

В работе Мефодия Ятаганова не было подчеркнутых брюлловских поз, а была прежде всего заражающая своей панической энергетикой реалистичность. Наряду с присутствующими мифическими персонажами, земные вещи на картине выглядели более чем земными: человеческие внутренности вызывали у слабонервного зрителя тошноту, обутленные тела разве что не испускали горелого смрада, а кровь, казалось, была прорисована самой кровью.

Не считая Раисы, присутствовавшей при начале сотворения «Содома» (тогда еще без леденящих душу подробностей), первой, кто увидел почти готовое произведение и получил адекватное сюжету впечатление, оказалась соседка Мефодия по лестничной площадке Пелагея Прокловна – шустрая старушка неопределенного пенсионного возраста.

Соседи Прокловну хоть и уважали, но немного побаивались. Прокловна завешивала свою лоджию метелками сушеных трав и связками кореньев, собираемых в течение короткого сибирского лета, и всем в доме было известно, что она практикует магию, ворожбу и целительство. Однако вопреки слухам, человеком бабушка Пелагея была очень добрым и жизнерадостным, травами своими лечила практически весь микрорайон, а заговорами «супротив зубной хворобы» постоянно отбирала клиентуру у всех коммерческих зубо-врачебных клиник округа. Ну а насчет «погадать – всю правду узнать» очередь к Прокловне не иссякала, как в застойные годы к Мавзолею и пивным палаткам.

Однажды, в особо морозный день, Мефодий занимался тем, что старательно прорисовывал лежащую возле огромной ступни ангела-истребителя отрубленную человеческую голову. В это время в дверь позвонили. Забыв по рассеянности прикрыть картину ширмой (художник ненавидел демонстрировать гостям незаконченные работы), присутствующий мыслями у ворот горящего Содома, Мефодий поплелся открывать неожиданному посетителю.

В просьбе оказавшейся за дверью Прокловны не было ничего особенного: ей требовалось всего-навсего три листочка лаврушки. Ну а поскольку лавры голову художника пока не украшали, за лаврушкой пришлось пойти на кухню. Прокловна же, заинтригованная видимым из прихожей краем картины, на цыпочках прокралась в комнату, дабы лицезреть заинтересовавший ее объект целиком.

Вернувшись из кухни, Мефодий поначалу решил, что со старушкой случился эпилептический припадок. Прокловна не сводила выпученных глаз с картины, при этом ее трясла такая дрожь, что у соседей снизу наверняка качалась люстра. Вдобавок она непрерывно осе-няла себя крестным знаменем с такой скоростью, что Мефодий забеспокоился, как бы старушка не набила себе на лбу шишку.

– Свят-свят-свят!.. Спаси и сохрани!.. Матерь Божия, Пресвятая Богородица!.. – часто-часто шептали ее дрожащие губы.

– С вами все в порядке, Пелагея Прокловна? – участливо поинтересовался Мефодий, оторопев от вида пораженной непонятным припадком бабули.

– Свят-свят-свят!.. – продолжая судорожно креститься, попятилась Прокловна и, даже не взглянув на Мефодия и забыв о лаврушке, проворно ретировалась на лестничную клетку. Мефодий расслышал, как на захлопнувшейся двери ее квартиры заскрежетали многочисленные замочки, цепочки и шпингалеты.

«Как-то хреново получилось, – подумал Мефодий, возвращаясь к прерванному занятию. Пребывая в замешательстве, он даже не обратил внимания на то, что произвольно сунул принесенные им лавровые листья в нагрудный карман рубахи, согнув их пополам, будто денежную купюру. – Ни за что ни про что напугал хорошего человека. Раззява невнимательный!..»

С тех пор Пелагея Прокловна обходила Мефодия стороной, а если и сталкивалась с ним на лестнице, то бурчала что-то невразумительное и чуть ли не бегом скрывалась с глаз шокировавшего ее кровавым реализмом художника.

Друг Мигеля оказался намного старше его самого, однако был так же крепко сбит и подтянут. Он обгонял Мигеля в росте, имел пепельные волосы, но стрижку носил раза в два короче.

– Это Роберто, – представил психолога Мигель.

– Мефодий, – кивнул в ответ Мефодий.

– А полностью? – поинтересовался Роберто, глядя на него пристальным взглядом.

– Мефодий Петрович Ятаганов. Но можно просто – Мефодий, – слегка смутился художник и высказал предположение: – Судя по именам, вы иностранцы? Однако с русским у вас все в порядке. Где изучали? В Оксфорде?

– Можно и так сказать, – уклончиво ответил Роберто и без приглашения проследовал в комнату вслед за Мигелем.

– Вот оно – жилище истинного живописца! – произнес Мигель, осматривая скудное убранство квартиры. – Знал я кое-кого из вашего брата в свое время. То же самое: стол, стул, кровать и все, что требуется для творчества. Но вот телевизоров у них тогда еще не было...

Пока Мефодий бегал на кухню заваривать чай, от которого гости не стали отказываться, они уселись на потертый диван и с интересом принялись изучать висевшие на стене наброски, темы которых варьировались в широком диапазоне – от отдельных персонажей к «Содому» до каким-то чудом не отправленных в мусоропровод грифельных образов незабвенного Виктора Игнатьевича.

– Это все, что у вас имеется? – спросил Роберто, принимая от Мефодия чашку с чаем.

– Конечно, нет, – ответил Мефодий и вытянул из-под стола три увесистых и покрытых слоем пыли папки. – Вот здесь точно все. Все, что выжило, я имею в виду. Так сказать, отражение моего творческого пути...

Не спеша попивая чай, Мигель и Роберто взялись рассматривать содержимое представленной им на суд первой папки. На задней стороне каждого рисунка карандашом была проставлена дата (полезная привычка, закрепившаяся за Мефодием еще со школьных времен), а потому творчество Мефодия рассматривалось в более или менее хронологической последовательности. Порой гости обсуждали тот или иной рисунок либо задавали Мефодию какой-нибудь уточняющий вопрос. В такой непринужденной атмосфере они проговорили примерно полчаса, успев разобраться с первым и начать просмотр второго архива.

– Так в чем же конкретно будет заключаться моя работа? – не выдержал наконец Мефодий. – Художественное оформление? Разработка дизайнера? Если честно, я бы предпочел что-нибудь ближе к моему основному профилю...

– Работа у вас, если согласитесь, будет что надо, – неопределенно ответил Мигель. – А впрочем, согласитесь, куда вам деваться?..

Во второй папке пошли рисунки университетского периода. Просматривая очередной набросок, Роберто вдруг отложил его в сторону и вернулся на несколько листов назад, сравнивая эту и предыдущие работы.

– Можно задать вам один откровенный вопрос? – спросил он Мефодия. – Хотя, если вам станет неловко, можете не отвечать.

– Валайте, вы же как-никак психолог, – позволил Мефодий. – Скелетов в шкафу я не держу, да и шкафа у меня, как видите, нет.

– Что такое из ряда вон выходящее случилось с вами в период... – Роберто перевернул лист с наброском и уточнил проставленную на обратной стороне дату. – ...С ноября по январь девяносто ...ого года? Не говорите, что не помните; этого просто не может быть.

Разумеется, Мефодий помнил. Ту зиму, когда он учился на первом курсе университета, забыть было не так легко. Словно наваждение, словно муза вошла в его жизнь та голубоглазая ангелоподобная красавица с параллельного факультета. Впрочем, как выяснилось позже, «муза» эта любила посещать не только его одного, а бывало, что и нескольких таких за вечер. Потом почти полгода Мефодий приходил в себя от глубоких психологических ран, но и выводов о жизни за это время тоже сделал немало.

– Безумные бури юношеских гормонов, – опустил глаза, проговорил Мефодий. – Первая серьезная любовь, первые серьезные разочарования. Все как у всех... Но как вы догадались?

– Заметно по изменению характера ваших произведений, – не стал делать секрета Роберто. – Мрачнее палитра, другие выражения лиц героев, больше «черных» подробностей. Любой психолог скажет вам об этом.

– Да, видимо, вы правы.

– Но здесь не рядовая первая любовь. Не вздохи по ночам. Здесь что-то более суровое...

Мефодий подумал: стоит ли говорить обо всех подробностях людям, которых он и знать-то толком не знает? Но раз уж те оказались настолько проницательны...

– Я на полном серьезе хотел покончить с собой. Даже опасную бритву купил...

Хотя о том, что он несколько раз садился в горячую ванну и подносил острое лезвие к своим едва различимым венам, Мефодий умолчал – это было уже чересчур личное. Однако...

– И вы, безусловно, пытались проделать это? Причем не один раз? Я прав?

– Да, правы, – вздохнул Мефодий и совсем сник – эти струны никто внутри его не задевал уже давным-давно.

– Может, хватит? – обеспокоенно обратился Мигель к психологу. – Парню все-таки тяжело.

Но Роберто не обратил на Мигеля никакого внимания и продолжал терзать болезненную для Мефодия тему:

– И чем все закончилось? Что-то должно было случиться еще. Прошу вас, расскажите, это исключительно для вашей пользы.

– Странные у вас правила при приеме на работу, – пробурчал Мефодий и, хотя давно должен был обидеться на такую бесцеремонность, тем не менее не обижался, чем вновь себя удивил. – Очень странные правила... Что у вас вообще за фирма такая?

– Будьте добры, не отвлекайтесь, – тактично вернул его к теме Роберто. – Пожалуйста, ответьте на вопрос.

– Вы знаете, сейчас это звучит смешно, но тогда... – Словно в подтверждение своих слов Мефодий кисло усмехнулся. – Я пребывал в таком заторможенном состоянии, что однажды на перекрестке меня сшиб грузовик. Я два месяца провалялся в гипсе. Но зато у меня появилось столько времени на раздумья, что в конце концов я понял: затея с самоубийством – такая ерунда...

– Есть! Именно то, что надо! – вдруг восторженно посмотрел на Мигеля. Мигель тоже закивал с видом совершившего крупное открытие лаборанта. – Вот она – первопричина спонтанного деблокирования альфа-кодировки! Сильнейший психологический стресс в сочетании с физическими страданиями! Вероятнее всего, на эту основу произошло наложение еще каких-нибудь раздражителей... Вас не ошпаривали кипятком, не слепили ярким светом, не пугали громкими криками?

– Да вроде нет... – ответил испуганный столь бурной реакцией психолога Мефодий. – Хотя постойте: однажды ночью в больничной палате сквозняк распахнул окно, а моя койка находилась прямо под ним. Меня засыпало битым стеклом и, честно признаться, перепугало чуть ли не до... ну вы понимаете.

- Мигель, ты был прав! – хлопнул коллегу по плечу Роберто. – Мы пришли по адресу!
– Да, и чем дальше, тем больше всплывает интересного, – согласился Мигель.

Мефодий снова почувствовал себя полным кретином. Как и тогда, при телефонном разговоре с Мигелем, у него опять появилась навязчивая мысль, что над ним тонко и умело издеваются, но вот с какой целью – непонятно. Мефодий всмотрелся во мрак за оконным стеклом – не маячит ли за ним объектив скрытой камеры какой-нибудь развлекательной телепередачи. Но там ничего не наблюдалось; да и восьмой этаж как-никак!

– Может быть, объясните, что вы имели в виду? – с плохо скрываемым раздражением полюбопытствовал Мефодий. – Что это за порядки у вас в «Небесных Вратах»? У вас всех так нанимают: сначала лезут в душу, а потом морочат голову всякой белибердой?

– Поверьте: со временем вы все узнаете, – ответил Мигель. – И ничего странного не происходит; вы как раз тот, кто нам нужен. Я ведь вас уже предупреждал – только не обижайтесь!

Похоже, Роберто и Мигель выяснили все до конца, поскольку оставшуюся папку с рисунками пролистали за пять минут, и то, как было заметно, из чистой вежливости.

– Но вы, Мефодий Петрович, еще не показали нам самого главного, – аккуратно укладывая содержимое папки на место и завязывая тесьму, заметил Мигель. – Мы с коллегой хотели бы взглянуть на нее. Это разрешено?

И Мигель указал на спрятанный за ширмой «Содом: день высшего гнева».

– Конечно, – ответил Мефодий. – Правда, картина еще не закончена, но если хотите...
– Он встал со стула и отодвинул ширму в сторону. – Но только не думайте, что я и в жизни такой кровожадный садист. – «Фрейдисты хреновы!» – Это лишь замашки на правдоподобие и не более...

«Нет, что-то положительно не так с моим «Содомом», – думал Мефодий, глядя на то, как его работодатели взирают на полотно. – Что-то ненормальное получилось, какая-то мистическая картина. Кто бы ни глянул, так чуть не в обморок!..»

А реакция на картину гостей немногим отличалась от реакции Пелагеи Прокловны. И Роберто, и Мигель сразу же повели себя, словно младшие офицеры при появлении старших: подорвались с дивана и вытянулись во фрунт или некое подобие оного. Но через секунду оба расслабились и, как бы стыдясь своего поведения, покосились на Мефодия. Однако никто из них не уселся, а медленно, будто не на шутку опасаясь полотна, оба приблизились к картине и замерли с выпученными глазами и раскрытыми ртами.

– Хозяин! – ошарашенно проговорил Роберто. – Не может быть! Это же лицо Хозяина!

– Агент Пелагея давала голову на отсечение, что это Хозяин, – ответил Мигель. – Но я не думал, что он будет настолько похож!

Последние слова Мигеля словно плеткой стеганули по ушам Мефодия.

– Позвольте, – возмущенно обратился он к гостям, – вы что же, знакомы с моей соседкой Пелагеей Прокловной? Так, значит, вы знали обо мне еще до встречи в парке?

Оба работодателя переглянулись.

– Назад дороги нет, – сказал напарнику Роберто. – Ты сам только что видел это. Еще ни один смертный не изображал Хозяина с такой точностью! Это уже не рука землекопа. Это даже не рука агента. Это уже практически рука Исполнителя! Альфа-кодировка взломана, это бесспорно! Теперь его мозг готов к полному деблокированию.

– Ты прав, – подтвердил Мигель. – Обрати внимание: после спонтанной деблокировки его стресс не усугубился, как у многих ему подобных, а наоборот – полностью сошел на нет! Регуляция эмоционального всплеска опять же уровня Исполнителя. И еще пример: Пелагея сказала, что он был безумно влюблен в свою жену, а она ушла от него, да еще к его родному брату! И что же наш герой? Вены, как раньше, не режет, в истерику не впадает, как жил, так и живет. Спокоен, как...

– ...Как Исполнитель!

– И мы выяснили это после простого собеседования! Что же тогда нарое у него в мозгу Гавриил?.. А ну, давай до полноты картины дадим ему попробовать усмирительный сигнал, но не одинарный, а двойной!

И оба они пристально уставились Мефодию в глаза. Их гипнотизирующие взгляды вызвали у Мефодия накотившее мощной волной чувство панического ужаса, колени его задрожали, и он попятился к стене.

– Что происходит, мать вашу?.. – стуча в испуге зубами с частотой швейной машинки, проговорил Мефодий. – Вы кто? Что вам от меня надо? А ну, выметайтесь отсюда, ненормальные, а не то позову на помощь! У меня наверху знаете кто живет? Да он вас в пудру изотрет!..

«Ненормальные» будто вняли его просьбе, и взгляды их вновь стали человеческими. Мефодий же, словно с него только что сбросили два или три лежавших на плечах мешка с сахаром, бессильно плюхнулся на стул и тяжело задышал. Пот с него сбегал ручьями.

– Что и требовалось доказать! – воскликнул Мигель. – Стандартный землекоп уже давно бы валялся пластом!

– Да, двойной усмирительный свалит даже агента, – подтвердил Роберто и заключил: – Мы с тобой, Мигелито, обнаружили уникальную по всем параметрам личность. Такая попадает раз в столетие! Это не кандидат, а самородок. Надо забирать парня.

– И когда? – поинтересовался Мигель.

– Как можно скорее! Немедленно!..

– Вы не из адвокатской конторы, – вяло выдавил из себя «самородок». – Откуда вы? Забугорные спецслужбы? ЦРУ? «Ми-шесть»? МОССАД? «Сюртэ»? Вербуете? Но я же ничего не знаю и ничего не умею! Я – художник. Или нет, вы – террористы! Да, именно так – чеченские террористы! Зомбируете меня, чтобы я протащил куда-нибудь бомбу!

Собрав в кулак остаток сил, Мефодий выхватил из-под себя табуретку, зажал ее ножки в сведенных судорогой пальцах и кинулся на незнакомцев.

– Мелко мыслите, Мефодий Петрович, – сказал Мигель, с нечеловеческим проворством перехватив табуретку и шутя вырвав ее у Мефодия из рук. Нападавший потерял равновесие и брякнулся к ногам Роберто, который при этом даже бровью не повел.

– Я понимаю: воображение у вас – черта профессиональная, – продолжал Мигель, обращаясь уже к лежащему Мефодию, – но оно далеко от истины. Мы не те, не другие и даже не третьи, о ком вы сейчас думаете.

– А... кто же вы... тогда? – прохрипел Мефодий и попытался подняться, но Мигель наступил ему на спину и придавил к полу.

– Скажи мы вам сейчас, вы все равно не поверите, – вздохнул Мигель и обратился к Роберто, который, как уже догадался Мефодий, был в этой парочке за старшего: – Что будем делать? Поташим его на «точку»?

– До «точки» далеко. Ты глянь, какой пряткий – еще удерет, а «усмирительный» не действует. Воспользуемся квартирой агента. Веди его к Пелагее, она нам поможет, а я пока свяжусь с «конторой»... Крепкие руки перевернули Мефодия лицом вверх с такой легкостью, будто он был обычной пуховой подушкой.

– Еще раз прошу: не обижайся, приятель, ладно? – сказал Мигель, склоняясь над поверженным. – Я знаю: ты хороший человек и не виноват в том, что происходит. Никто из нас не виноват. Этот порядок устроен не нами; мы лишь его часть и обязаны подчиняться его законам. И ни у тебя, ни у нас пути к отступлению уже нет. Что ж, раз усмирительным сигналом тебя не пробить, надеюсь, что это пока действует...

И кулак Мигеля коротко ткнул Мефодия в лоб. Художник стукнулся затылком об пол, и сознание его предательски отключилось...

Мефодий уже бывал дома у Пелагеи Прокловны, а потому, вновь вернувшись в реальность, без труда определил свое местонахождение: он сидел в кресле с выцветшей обивкой, купленном Прокловной, очевидно, еще при правлении Леонида Ильича.

Однако этим визуальным определением все и ограничилось. Попытка пошевелиться и придать телу ровное положение закончилась ничем – Мефодий был основательно связан по рукам и ногам. Не получилось издать и протестующий крик – во рту у него была зафиксирована резиновая кость для собак, с которой обычно играл энергичный фокстерьер Пелагеи Прокловны – Тузик.

Сама бабушка Пелагея, скромно сложив руки на коленях, притулилась в уголке дивана. Рядом с ней, высунув розовый язык и виляя купированным хвостиком, крутился владелец резиновой кости, с нескрываемым недовольством посматривавший на тискающего зубами его собственность Мефодия. Вид у Пелагеи Прокловны был такой, словно хозяйкой здесь являлась не она, взглядом старушка старалась не встречаться со взглядом художника и смотрела куда-то в темноту за окном.

Мефодий прекрасно помнил все подробности визита к нему двух «работодателей», помнил их странное поведение и последовавшую затем вспышку своего героизма, но каким образом очутился здесь, вспомнить не смог. Он хотел попросить Пелагею освободить ему рот, однако сумел издать лишь герасимовское «му-му». Прокловна отвлеклась от ночного Староболотинска, испуганно и жалостливо поглядела на Мефодия, а затем поднесла палец к губам: дескать, помалкивай пока!..

– Ну что, очнулся? – услышав мычание, в комнату вошел Мигель. – Голова не болит? Лучше скажи честно, это для твоего же блага.

Мигель сбросил пиджак и рубаху и остался в футболке, что указывало на ожидающую его некую энергоемкую и, вероятно, грязную работу. Мефодий обратил внимание, что оба запястья на руках Мигеля были перехвачены кожаными напульсниками. С внутренней стороны напульсников – аккуратно возле самых ладоней – крепились странного вида приспособления, слишком большие для наручных часов. По форме эти приспособления напоминали овальные бруски алюминия размерами с мобильный телефон, но серебрились они во много раз ярче матового алюминиевого блеска. Никаких дисплеев и кнопочек на этих штуках не наблюдалось; просто сплошной металл и притягивающие их к запястьям ремни.

Мигель перехватил заинтересованный взгляд Мефодия и счел необходимым пояснить:

– Скоро сам обо всем узнаешь, потерпи немного. И ничего не бойся – здесь никто не желает тебе зла, клянусь своей честной репутацией.

«Тогда на хрена связали, мудозвоны с честными репутациями?» – хотел крикнуть Мефодий, но слова его так и не смогли проникнуть сквозь кляп во рту.

– Очень даже тебя понимаю. – Мигель придвинул стул и оседлал его задом наперед, положив руки на высокую спинку. – Страх, но одновременно и любопытство? Или нет – любопытство все же прежде всего, а затем страх, так? Так!.. А ведь когда-то и я точно так же лежал связанный, а некий Синберторикс, светлая ему память, утешал меня перед деблокированием... Как же давно это было! Тысяча пятьсот десятый?.. Или пятнадцатый?.. Какая, впрочем, разница...

Мефодий снова замычал и выразительно указал глазами на кляп, а затем помотал головой, пытаясь объяснить Мигелю, что все это лишнее и он ни вопить, ни звать на помощь не будет. Но Мигель не обратил на его пантомиму никакого внимания.

– В какой-то степени нам с тобой повезло, – наставническим тоном вещал он. – Мы – Просвещенные! В отличие от остальных наших современников мы узнали гораздо большую часть Истины, продвинулись в своем развитии на более высокий уровень! Не всю Истину, нет – боюсь, что сам Хозяин полностью ее не ведал, – но точно смогли заглянуть далеко за горизонт обычных знаний... Вот Роберто, к слову, не таков. Он был рожден в семье Испол-

нителее, а не землекопы. Все, что мы – Просвещенные – получаем через деблокирование, было заложено в нем изначально... – Мигель краем глаза покосился на дверь комнаты, потом продолжил: – Я бы на твоём месте запомнил этот момент – он весьма знаменателен, но, говоря по правде, ничего приятного в деблокировании нет. Больше возможностей, больше функций, но вместе с этим и больше проблем. Как там у Анаксагора? «Чем больше знаешь, тем больше не знаешь»... Землекопы ведь как дети: они видят Мир плоским и ограниченным, больше фантазируют об Истине, чем познают ее, но это не их вина... Такими создал их Хозяин, такими они ему были дороги, и такими они остались после его ухода...

Мигель вздохнул.

Хлопнула дверь, и в комнату вошел Роберто, тоже в одной футболке и с такими же серебристыми утяжелителями на запястьях.

– Смотритель прибудет через час, – сообщил он и обратился к Пелагее Прокловне: – У вас не найдется чего-нибудь перекусить? А то у нашего друга, кроме банки тушенки, в холодильнике ничего и нет.

Прокловна с готовностью подскочила с дивана и, сопровождаемая верным Тузиком, прошаркала тапочками на кухню.

– Кто из зрителей прибудет: Свенельд или Гавриил? – спросил Мигель.

– Гавриил, – ответил Роберто. – Говорит, давно не практиковался, да и не терпится ему увидеть нашего уника.

– Не лучший деблокировщик, – заметил Мигель. – Однако и не худший.

– А кто деблокировал твою голову? – любопытно спросил Роберто.

– Джейкоб.

– Да брось ты!

– Нет, серьезно – сам Джейкоб! – Мигель произнес это с подчеркнутой гордостью. – Он бился надо мной три дня!.. Я был тогда маленьким кастильским парнишкой, сидевшим в подвале у инквизиторов. А угодил я в Святую палату за то, что после попадания в меня молнии приобрел способность парализовать взглядом людей...

– Значит, так ты лишился своей «невинности» – альфа-кодировки!

– Да... А видел бы ты, как они проводили дознание! Глаза завяжут, морды воротят – боятся, мерзавцы, как бы я их ненароком в статуи не обратил!.. Но, на мое счастье, среди местных альгвазилов агент оказался. Он-то и вывел на меня Синберторикса, а тот приволок зрителя Джейкоба. Джейкоб выдал себя за самого Великого Инквизитора Хименеса и под видом того, что ведет со мной душевную работу, произвел мне полное деблокирование, после чего забрал с собой... Я избежал аутодафе лишь благодаря ему и Синберториксу. А вот родителям моим повезло меньше. Намного меньше...

Из кухни послышался зов Пелагеи Прокловны, и странная парочка отправилась не то еще ужинать, не то уже завтракать.

Мефодий мусолил во рту резиновую кость («Небось и водой не ополоснули, а прямо из пасти Тузика вырвали да мне сунули, уроды!») и, предчувствуя нечто неприятное, постарался осмыслить то, о чем только что слышал.

Бред! Полный бред! Хозяин, землекопы, Исполнители, зритель... Кто эти люди? Террористы? Вероятно, хотя та бредятина, которую они несли, была чересчур бредовой даже для террористов. Да и вежливые они слишком для боевиков с Кавказа...

Но больше беспокоило Мефодия другое: кто этот зритель Гавриил и что он собирается делать с его, Мефодия, головным мозгом? Все это было бы весьма любопытно, если бы не вызывало такого страха перед собственной участью...

Зритель объявился, как и ожидалось – ровно через час. Столкнись Мефодий со зрителем на улице, вообще не обратил бы на него внимания: невзрачный мужичонка преклонного возраста, лысеющий, в сереньком костюмчике, какие вышли из обихода, еще

когда Мефодий ходил в детский сад. Но, несмотря на это, вид у зрителя был не обрюзглый, напротив, он походил на такого бодрячка-физкультурника.

То ли дверь в квартиру Прокловны оказалась незапертой, то ли Гавриил имел собственный ключ, но нарисовался он в комнате настолько беззвучно и неожиданно, что сидевшие на диване и, казалось, дремавшие Роберто и Мигель поначалу его даже не заметили.

– Ну зачем же так сурово с кандидатом? – вместо приветствия пожурил их Гавриил. Звук его голоса заставил обоих надзирателей вскочить и принять некое подобие строевой стойки. Где-то на кухне из рук Пелагеи Прокловны вырвалась и разбилась об пол тарелка, а сама она влетела в комнату и, плюхнувшись пред гостем на колени, припала губами к его руке.

– Что ж ты, батюшка, не позвонил-то? – залепетала старушка, чмокая Гавриила в запястье. – Уж напужал так напужал! Едва я, родненький, не окочурилась...

– Встаньте, агент Пелагея! – вырвав руку, строго сказал Гавриил. – Сколько раз предупреждал: никакой я вам не батюшка, и это ваше показное раболепие меня нервирует! Достаточно было просто сказать «добрый вечер».

– Не гневайся, батюшка, – не унималась Пелагея, однако с колен поднялась. – Воспитаны мы так; нельзя нам по-другому пред божьими посланцами...

– Божьими, господними!.. – проворчал Гавриил. – Вроде опытный агент, продвинутый человек, а верите в эту вашу древнюю мифологию.

– А как же не веровать-то, батюшка, – возразила Пелагея. – Ежели бы сызмальства не уверовала, не явились бы вы ко мне тогда,реброликие мои!..

– И то правда, – все же согласился с ней зритель и, отвернувшись от Пелагеи, обратился к Роберто и Мигелю: – Ну-ка, немедленно выньте изо рта кандидата эту дрянь! Что, интересно, он о нас думает? А, знаю: «Уроды!» – вот что! И не стыдно? Прямо нелюди какие-то, право слово! Нет бы утешить парня, проинструктировать...

– Существовала вероятность, что кандидат будет звать на помощь, – попытался оправдаться Роберто.

– Вижу: не будет! – уверенно заявил Гавриил и посмотрел в глаза Мефодию с таким миролюбием, что у того разом пропал весь агрессивный настрой. Просто был и вдруг исчез, а в голове появилась приятная безмятежность.

Мигель выдернул имитатор берцовой кости у Мефодия изо рта и вернул его законному владельцу, который признал в зрителе закадычного друга и, виляя куцым хвостиком, вертелся возле его ног.

– Дайте воды! – первым делом потребовал Мефодий, желая как можно скорее избавиться от противного привкуса резины.

– Кстати о воде, – встрепенулся Гавриил. – Все готово?

– Все готово? – Роберто переадресовал вопрос Пелагее Прокловне.

– Все, батюшка, – ответила она, заботливо поя Мефодия из кружки. – Как ты и велел: вода, свечи, вязальные спицы и нашатырь.

– Может, хоть вы объясните, что все это значит? – обратился Мефодий к зрителю. – А то эти двое несут всякую чушь. Я слушаю не...

– Нет, вы не донор, и ваши органы нам не нужны, – опередил его с ответом Гавриил.

– Но...

– Да, читаю ваши мысли.

– ...

– Да, на полном серьезе. И потому попросил бы вас поменьше оскорблять меня мысленно.

– Да я и не думал...

– А «старикашка членоголовый» – это разве не мне?

– И вправду читаете мысли! – убедился наконец Мефодий, ибо смотритель действительно умел отвечать на вопросы еще на стадии их формирования. – Извините, пожалуйста!

– Не извиняйтесь, Мефодий Петрович, – отмахнулся от него Гавриил. – Вам теперь частенько предстоит меня костерить за глаза. Вон эти же двое не извиняются, хотя за прошедшие пять минут просклоняли меня на восьми языках, включая якобы нерасшифрованный язык этрусков.

Роберто смущенно отвернулся, а Мигель картинно возвел глаза к потолку...

Несмотря на то что в роли связанного пленника Мефодий очутился впервые в жизни, он почему-то не испытывал ни паники, ни желания убежать. Страх был, но это был не страх перед смертью или предстоящими мучениями, а скорее страх перед неизвестностью, страх перед закрытыми воротами (Небесными Вратами?), которые вот-вот распахнутся, и оттуда...

Да и с появлением смотрителя Мефодий почувствовал себя странно, будто снова вернулись студенческие годы и они с компанией однокурсников опять запускают по кругу ароматно смолящий косячок. Само присутствие Гавриила действовало на Мефодия успокаивающе, мало того – Мефодия не покидало чувство, что он знает этого человека с самого рождения. Знает, как родного отца, и безраздельно доверяет ему во всем. Возможно, это было следствием некоего гипноза, которым Гавриил воздействовал на его мозг (раз уж смотритель угадывал мысли с такой проницательностью, то наверняка владел и гипнозом). Но тем не менее, как бы ни расценивать это воздействие, оно здорово помогало Мефодию сохранять бодрость духа.

– Прежде чем явиться сюда, заглянул посмотреть на вашу, Мефодий Петрович, работу, из-за которой весь сыр-бор и приключился, – сказал Гавриил, снимая пиджак и вешая его на спинку стула. Руки Гавриила в отличие от рук Мигеля и Роберто были безо всяких серебрястых приспособлений. – Вы знаете, впечатляет! Городок был, правда, чуть поменьше, да и мы с покойным Синберториксом не были такими уродами, но Хозяин!.. Я чуть не упал, когда в глаза ему глянул! Потрясающее сходство! Такого сходства изображения с оригиналом я за свою жизнь не встречал ни разу. Нас, смотрителей, очень трудно... да что там трудно – невозможно! – поразить чем бы то ни было, но клянусь: вам это удалось.

– Вы хотите сказать, что были в Содоме?! – удивился Мефодий, глядя на Гавриила сквозь дымку собственной эйфории.

– Да, я и есть тот из немногих смотрителей, чьи имена вошли в вашу Библию с глупыми приставками «архангел», – ответил Гавриил. – И я действительно там был. Тот крылатый переросток, что из-за стены не виден, – я и есть. Так что к вашим услугам!.. Но крови я пролил тогда гораздо больше, чем вы предположили. Мои слэйеры прорубили в толпе целые просеки. Сам весь с ног до головы в кровище был, Синберторикс тоже. Хозяин потом нас за это в смотрители и повысил... Да, было время. Это сейчас вы, Мефодий Петрович, ничего не понимаете. Однако послезавтра к вечеру вы будете знать все, абсолютно все, что должен знать Исполнитель. Ну что ж, не будем отвлекаться. Ты и ты... – Он ткнул пальцем в подчиненных. – С вами деблокированием я уже однажды занимался, потому на технике процедуры заостряться не буду. Ты, Роберто, – первый ассистент, ты, Мигелито, – второй. Начиная с удаления остатков альфа-кодировки и далее по порядку до «дельта» включительно. Мелочью с «ипсилон» по «лямбда» займемся завтра вечером. Агент Пелагея!

– Здесь я, батюшка!

– Заприте двери и никого не впускайте. Будете приводить кандидата в чувство, когда прикажу. Сердце у вас, Мефодий Петрович, выносливое – как-никак тяжести таскаете, – поэтому работать буду по ускоренной программе. А лично вам приказываю расслабиться и не нервничать.

– Аминь! – ответил Мефодий, сам того не ожидая; просто бессознательно вырвалось.

Смотритель и Исполнители, однако, одобрительно закивали.

– Абсолютно грамотный ответ! – заметил Гавриил. – Как и положено. Значит, готовы сотрудничать. И все же на всякий случай я сделаю вот так...

И Гавриил легонько прикоснулся пальцем к кадыку Мефодия. Продолжающий пребывать в эйфории Мефодий хотел спросить, сможет ли он после этого их деблокирования держать в руках кисть, но из его горла ничего, кроме дыхания, не вылетело, словно голосовых связок там не было отродясь.

– Так будет намного лучше, – подытожил Гавриил, а затем проверил Мефодию зрачки. – Хм, по-моему, многовато я накрутил кандидату положительных эмоций... Ладно, ничего страшного. А ну-ка, уважаемый кандидат, как вы представляете свое будущее?.. Вот как? Ну что ж, тогда добро пожаловать за врата Рая, просвещенный Исполнитель Мефодий!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПЕЙЗАЖ ЗА РАЗБИТЫМ СТЕКЛОМ

*А из нашего окна
Площадь Красная видна!
А из вашего окошка
Только улица немножко.*
Сергей Михалков. «А что у вас?»

*Пусть крепче булатной стали
будет твоя рука,
чтоб зря враги уповали
на мощь стального клинка!*
Из трактата по Окинава-тэ XVIII века.

«Дикий хохот разбирает нас, землекоп, при виде того, как с пеной у рта ты пытаешься покорить манящий тебя Космос. Землекоп – повелитель Вселенной! Для нас это звучит примерно так же, как для тебя «Краб – повелитель Океана!».

Еще больше потешает нас то, на чем ты собрался это делать. На кучах железа, движимых за счет электрических, химических и ядерных реакций! Это на них ты хочешь бороздить просторы Вселенной, завоевывать планеты и проникать в интересующие тебя «черные дыры»?

Ты смешон, землекоп. Смешон и жалок. Но не обижайся, в том нет твоей вины. Таким несовершенным сотворил тебя наш Хозяин, и изначально ты предназначался совсем для другого. Твое предназначение заложено в твоём имени – ты привязан к Земле, как ее горы, леса и моря.

Да, не спорю: ты сделал множество научных открытий, и, если тебе станет от этого легче, можешь считать, что принадлежат они исключительно тебе. Ты дошел до них сам, дошел всеми своими тремя рабочими процентами головного мозга. Ты расщепил атом, с грехом пополам доковылял до соседних планет и родил на свет искусственный интеллект. Ты даже научился клонировать самого себя! Честь тебе и хвала! Ты уверен, что двигаешься по пути прогресса и когда-нибудь займешь достойное место во Вселенной среди братьев по разуму. И братья примут тебя и будут почитать за равного...

Да нет у тебя братьев по разуму! Нет, потому что человечество – уникальный продукт и аналогов во Вселенной не имеет (в дальнейшем термин «человечество» и «человек» мы будем применять только к трем созданным Хозяином жизненным формам – землекопу, Исполнителю и зрителю). И единственные твои братья во всем окружающем тебя холодном пространстве – это мы: зрители и Исполнители; только нам ты еще нужен, только мы оберегаем тебя от неприятностей космического масштаба, поскольку эту обязанность возложил на нас Хозяин.

Но и мы, чей мозг работает на полную мощность и без сбоев, лишь условная преграда между тобой и истинными повелителями Вселенной. И они не церемонились бы с нами, если бы в наших руках не оказалось подлинное сокровище, которое ты, неблагодарное создание, так и не научился ценить как следует.

Эта наша Земля, землекоп. Именно благодаря этой доведенной до совершенства планете мы еще не развеяны в пыль по всей Солнечной системе. Именно ей и тому артефакту, что она скрывает.

Так что перестань задирать лицо к звездам, а лучше опусти его вниз, ибо то, что ты ощущаешь под своими слабенькими ножками, и будет являться смыслом твоей (да и нашей в принципе тоже) никчемной жизни.

Смысл твоей жизни! Ты терзаешься этой загадкой тысячелетия, однако уверяем тебя: загадки здесь нет. Неизвестно, почему Хозяин заблокировал тебе эту информацию вместе с остальными запретными функциями, хотя, на наш взгляд, ничего страшного она не представляет. И владей ты ею целиком, а не обрывками просочившихся сквозь твои кодировки Истин, такое понятие, как религия, обошло бы тебя стороной. И не стал бы ты тогда громоздить сказку на сказку в надежде докопаться до смысла собственного бытия, и не тратил бы понапрасну на это ни своего времени, ни сил, ни жизни...»

– Остатки альфа-кодировки полностью удалены, – сообщил Гавриил, откладывая в сторону стальные спицы. Ими он только что наносил кандидату весьма болезненные уколы между пальцами рук. – Как состояние деблокируемого?

– Хлопчик в обмороке, батюшка, – исправно доложила Пелагея Прокловна. – Однако сопит ровнехонько, будто придремал с устатку... Изволишь дать ему нашатыря?

– Пожалуй, – согласился Гавриил.

Мефодий дернул головой и очнулся. От эйфории не осталось и следа. Кисти рук дико нарывали, а отключенный зрителем голос по-прежнему отсутствовал.

В голове же и вовсе творился полный сумбур. Перед глазами мельтешили выплывающие из ниоткуда картинки, наслаивались друг на друга, складываясь подобно колоде карт в такую виртуальную стопку. Мефодий попытался сосредоточиться хотя бы на одной из них, но не получилось – выхваченный наугад образ чего-то малопонятного мгновенно перекрыл другой, а его в свою очередь еще один и еще... Казалось, мозг вот-вот расколется надвое по линии полушарий. «Что это? Зачем? Кто я? Как меня зовут?» – пробились из подсознания слабые импульсы, и даже собственное имя невозможно было вспомнить без затруднения.

– Вижу, пошли данные! – удовлетворенно произнес Гавриил. – Мозг заработал на двадцать процентов; информация из разблокированных областей так и валит! Теперь надо разнести ее по нужным местам и приступить к деблокированию функциональных возможностей. Устранение бета-, гамма- и дельта-кодировок разгонит мозг на две трети от полной мощности и увеличит до максимума прочность и выносливость опорно-двигательного аппарата. Мигелито, когда это начнется, держи кандидата крепче, а то еще вырвется и разнесет тут все вдребезги...

«Интереснее всего, землекоп, наблюдать, как интерпретируешь ты те скудные крохи знаний, что проникают в твою голову через поврежденные кодировки, как на их основе ты выдумываешь себе добрых и злых богов. И как бы ты ни называл этих богов, какой бы биографией их ни награждал и какую степень «истинности» ни присваивал, общая черта у них одна – они всемогущи и правят Вселенной.

В этом ты почти прав: у Вселенной действительно есть повелители, но возможности их отнюдь не безграничны. Им подвластно пространство, они видоизменяются сами и видоизменяют материю, но сотворить ее из ничего они не в силах. Как не в силах они изменить и те законы, по которым живут...

Больше всего информации об истинном мироустройстве просочилось через кодировки у тех землекопов, что населяли некогда сорок второй сектор, или, по-твоему, Аттику и Апеннины. Мы судим об этом по тому факту, что в своей мифологии они довольно точно определили расстановку сил во Вселенной, выявили множество реальных действующих лиц и все перипетии, что возникали между ними. Единственное, что античные землекопы не смогли пронести через препоны кодировок, так это реальные имена повелителей (просто длина полного имени любого из повелителей такова, что на произнесение его у тебя, землекоп, ушла бы не одна жизнь). Но данные древними римлянами и греками своим богам собственные

вариации этих имен оказались настолько гармоничны, что даже сам Хозяин, вовсе не чуждый прекрасному, стал пользоваться ими. Ими пользуемся и мы до настоящего момента.

Мы осведомлены о том, землекоп, как ты представляешь себе Вселенную: безграничная, холодная и безжалостная к человечеству. Но твое понятие о ней утрировано малой мощностью твоего мозга, причем утрировано довольно-таки сильно. На самом деле Вселенная – лишь малый регион чего-то такого, чего даже мозг Хозяина был не способен охватить. И, как у всякого имеющего границы региона, в нем есть те, кто держит его под неусыпным контролем.

Их двое. Вернее, сейчас их двое. Старший и младший. Но не отец и сын, как ошибочно посчитали землекопы сорок второго сектора, просто срок жизни первого близится к закату, второй же пребывает в самом расцвете жизненных сил. Оба они ничем не уступают друг другу, и каждый хочет быть единственным повелителем во Вселенной. Кронос и Юпитер – лидеры двух враждующих лагерей небожителей.

Человечеству не понять настоящей сущности этих существ – не его уровень знаний. Нет у них строго определенной формы. Наш глаз не рассчитан на то, чтобы воочию лицезреть их во внешней среде. Способности небожителей позволяют им покрывать огромные расстояния без механических средств передвижения, пользуясь течениями космических стихий. Управление этими стихиями для них в порядке вещей, как для тебя, землекоп, поднять и бросить обыкновенный камень. Им, небожителям, известны практически все законы пространства, поскольку они – дети Космоса и превосходно чувствуют себя в нем. Это их среда обитания, это их мир...

Неподвластно им только одно – сотворение материи из ничего, так что не тешь себя иллюзиями, полагая, что наш Хозяин – Творец Вселенной. Об истинном Творце не ведают даже сами повелители, а фантазировать они попросту не умеют. Фантазии – это особенность слабого мозга, анализирующего обрывки Истины, то есть исключительно твоя «привилегия», землекоп.

Соперничество Кроноса и Юпитера гораздо древнее, чем срок существования человечества. На уровне зрителя я знаю только, что Кроносу удалось когда-то уничтожить своего предшественника Урана, а теперь по злой иронии он очутился перед схожей проблемой: амбициозный выскочка готов на все, чтобы вырвать у Кроноса бразды правления, не дожидаясь, когда старик сам канет в Вечность. От конфронтации этой парочки разлетелся в пух и прах уже не один красный карлик и голубой гигант, оставляя в пространстве незаживающие воронки «черных дыр». Успех их военных действий носит переменный характер: то Кронос теснит Юпитера по всем фронтам, то Юпитер рассеивает легионы Кроноса по отдаленным уголкам Вселенной. Однако последнее время чаша весов склоняется в сторону более молодого и более изворотливого...

Являясь несомненными повелителями подвластного человеческому сознанию пространства, Кронос и Юпитер тем не менее не единственные, кто еще на нем проживает. Однако остальным небожителям приходится уже стоять перед выбором, чью позицию занимать в этой извечной битве, ибо такого понятия, как «нейтралитет», во Вселенной попросту не существует и всяк объявляющий себя нейтральным автоматически становится врагом и для Кроноса, и для Юпитера. А такая роскошь, как иметь во врагах обоих повелителей, вряд ли кому-либо из небожителей по плечу...

Сам Кронос принадлежал к древнему клану Титанов, в который, помимо него, входило еще пять его братьев и шесть сестер, не столь могущественных, но тем не менее достаточно грозных. Трое из Титанов на данный момент пали в битвах, но оставшиеся восемь во главе с Кроносом все еще являются могучим костяком армии «стариков». У них на службе состоит также тупое, безжалостное и напрочь лишенное собственного «я» создание по кличке Тифон – неудачное произведение неизвестно какого Творца. Подчиненные Тита-

нам легионы сплошь состоят из членов двух кланов: клана Циклопов и клана Бриареев, так и не перешедших на сторону Юпитера, какими только посулами тот их ни соблазнял.

В отличие от строгой дисциплины Кроноса порядки у Юпитера были намного свободнее, а потому привлекали к нему таких же бунтарей, как и он сам. Из этого следовало, что формирования Юпитера состояли в основном из отколовшихся от прочих кланов одиночек, а потому единственными, кого под его знаменами можно было считать подобием целого клана, являлись дикие Сатиры, которых, кроме Юпитера, так никто приручить и не смог.

Лидерство Юпитера считалось неоспоримым. Его ближайшее окружение – Аид и Нептун – имели с повелителем много общего, поскольку были его дальними родственниками. Они помогали Юпитеру удерживать власть над остальными: хитрой Афродитой, себялюбивым Аполлоном, воительницей Артемидой, пронизой Гермесом, свирепым Аресом, лидером Сатиров Дионисом и многими другими, кого не устраивали суровые порядки Кроноса. В их число некогда входил и наш Хозяин...

Однако холодный Космос – не единственная среда обитания небожителей, и подобно тому, как китам необходимо выныривать на поверхность для глотка воздуха, им также требуется принимать примитивные материальные формы и проводить какое-то время на планетах для восстановления сил и энергии; в их естественной форме это невозможно, так как в условиях гравитации она очень быстро разрушается. Материальные оболочки обитателей Вселенной зависят от уровня планетной гравитации, и в гравитационном поле планет, подобных Земле, они ничем не отличимы от наших тел (точнее, внешний вид человека ничем не отличим от оболочек небожителей – ведь именно с них он и был некогда «списан».)

Вот и все базовые данные, которые положено знать нам – зрителям и Исполнителям – о бывшем окружении Хозяина. Знать, землекоп, а не фантазировать по этому поводу, делая ложные умозаключения. Знать и быть готовыми защищать от небожителей нашу планету и тот утерянный ими предмет, который благоразумный Хозяин скрыл где-то в ее глубинах...»

Наконец после многочасовой череды ужасных конвульсий Мигель и Роберто отпустили обмякшее тело Мефодия.

– Готово, – подытожил Гавриил и отер руки полотенцем. – Что ж, уважаемые, перед вами образец новоиспеченного Исполнителя, правда, пока лишь с базовым запасом установок! Теперь можете немного передохнуть, а я проверю, как мозг нашего кандидата реагирует на возросшую производительность. – Он наклонился и снова дотронулся до кадыка Мефодия, возвращая тому дар речи. – Исполнитель! Приказываю вам очнуться!

Мефодий открыл глаза и сразу поразился, каким четким и ясным все стало вокруг него. Отныне взгляд его охватывал не узкий, как раньше – градусов девяносто, – сектор, а раза в два больше. Причем вся окружающая Мефодия обстановка была видима ему до мельчайших деталей независимо от того, находился предмет с края или в центре поля зрения...

...И тут же Мефодий попытался вскочить с кресла и принять исполнительскую строевую стойку: прямо перед ним стоял зритель – его непосредственный куратор и командир. Однако крепкие капроновые веревки удержали Мефодия на месте.

– Отставить! – скомандовал Гавриил. – Расслабьтесь и сидите! Ваш человеческий статус?

– Просвещенный Исполнитель категории новобранец! – отчеканил Мефодий. – Деблокирование кодировок не завершено! Производительность головного мозга – шестьдесят пять процентов! Не функционируют либо функционируют не полностью следующие способности...

– Достаточно, – прервал его зритель. – Визуальное тестирование: количество волос на моей голове?

Мефодий всмотрелся в макушку Гавриила и после секундной паузы ответил:

– Пятьдесят две тысячи шестьсот сорок два! Имеют стойкую тенденцию к сокращению численности! Вероятный прогноз количества на сутки вперед: пятьдесят две тысячи шестьсот пятнадцать – шестьсот двадцать...

– Спасибо, это я посчитаю и без вас, – не пожелал выслушать прогноз для своей лысины на завтра Гавриил и обреченно заметил: – Да, потеря волосяного покрова – эта одна из тех аномалий, что объединяет все три вида человечества. Наверное, лет через десять – если доживу, конечно, – на этот тест-вопрос ответит за секунду любой землекоп... А теперь проверим уровень слуховой чувствительности: расскажите-ка нам вот об этих часах!

Повинуясь приказу, Мефодий наострил слух и мысленным усилием отключил в звуковом анализаторе мозга все лишние диапазоны частот, оставив лишь те, в которые укладывалось мерное тиканье ветхих, с давно ушедшей на покой кукушкой, настенных ходиков Пелагеи Прокловны.

– Вкрапления посторонних шумов при работе механизма шестереночной передачи – возможно засорение, – доложил Мефодий. – Трещина в кожухе спирали. Деформация оси стрелок. Прогрессирующая трещина в вале маятника...

– Замечательно! – кивнул Гавриил. – Звуковой анализатор в норме.

– Вот ведь нехристи! – всплеснула руками Пелагея Прокловна. – Да чтоб у них ручищи поотсыхали! Брякнулись ходики у меня об пол с полгода назад; сдала я их в часовой ремонт, а тамошний гаденыш при очках мало того, что с бабушки триста рублей взял, так, оказывается, еще ничегошеньки и не починил! Правы газетные писаки: нет управы на вымогателей!..

– Прекратите, ради всего святого, агент Пелагея! – умоляюще обратился к ней Гавриил. – Думайте лучше о деле, а ваши мысли о плавающем в кипятке очкарике и черте с вилами над ним сбивают меня с толку!.. А сейчас, Мефодий, проведем проверку опорно-двигательной системы. Мы вас аккуратненько развяжем, а вы не дергайтесь и сидите смирно...

Роберто с одной стороны, Мигель с другой распутали удерживающие новобранца веревки, после чего из предосторожности так и остались стоять по бокам кресла.

– Держите. – Гавриил извлек из кармана пятирублевую монету и протянул ее Мефодию. – Тише берите, ласковей... Так... А теперь согните ее пополам!

Монета поддалась, будто картонная. Мефодий отметил, что ничуть этому не удивлен. То есть он изначально знал, что шутя согнет монету, и согнул ее. Никаких восторгов по этому поводу. Все восторги и прочие эмоции остались где-то далеко-далеко, как учеба в университете, их роман (точнее не роман, а повесть) с Раисой, блеклая, словно эта монета в руке, жизнь безработного художника и все остальное, что отныне подпадало под понятие «до Просвещения». Жизнь разделилась на две половины, и, хоть разделилась она всего несколько часов назад, плоды этого разделения были заметны невооруженным глазом.

– А теперь разорвите ее!

Мефодий без труда проделал и это. Причем разорвал он не просто монету, а монету, согнутую пополам. Комментарии были излишни: зритель действительно серьезно порывлся в его мозгах, выпустив на волю то, что скрывалось за так называемыми «кодировками».

– Хорошо! – сказал Гавриил. – Ну, прыгать заставлять вас уже не буду – квартира агента нам еще пригодится. А вот это, пожалуй, стоит попробовать...

Слева мелькнуло что-то быстро приближающееся. Мефодий отклонил голову и, выставив ладонь, поймал кулак Мигеля в двух сантиметрах от своего лица – ловко, как недавно сам Мигель перехватил табуретку.

– Опять я! – обиженно прогнусавил Мигель. – Почему вы Роберто мысленный приказ никогда не посылаете? Который раз – и снова я!

– Ты чем-то недоволен, Мигелито? – поинтересовался Гавриил.

– Просто терпеть не могу, когда мои конечности машут без моего на то согласия! – буркнул тот. – И к тому же смею заметить: без предупреждения это было неэтично с вашей стороны!

– Ты меня знаешь: будешь пререкаться – заставлю полдня простоять на голове! – предупредил его Гавриил. – Этично – не этично... От землекопов демократии нахватался?

– Никак нет, но... уж очень пахнет дискриминацией Просвещенных!..

– Ах, дискриминацией!.. – недобро сощурился Гавриил.

В стойке на голове Мигель выглядел довольно забавно. Однако это пошло ему впрок, и попирать лбом ковер он предпочел в гордом молчании.

– Вот я и говорю вам, Мефодий Петрович: никогда не извиняйтесь передо мной, – извлек мораль из происшествия Гавриил. – Признаю: человек я вредный, но необидчивый, потому не сотрясайте в дальнейшем воздух излишней вежливостью... А сейчас я намереваюсь проверить, как настроен детализатор вашей памяти. Начнем со свежих впечатлений. Сколько глотков чая вы сделали вчера за завтраком?

Мефодий отрешился от прочих воспоминаний и сосредоточился на вчерашнем дне. Но едва это получилось, как вдруг в его мозг словно стальной костыль молотом вогнали, и вместо требуемого ответа он громко и отчетливо произнес:

– В пятьдесят пятом секторе Титан! Координаты последнего обнаружения!..

Похоже, что стальной костыль вогнали не только ему в голову. Роберто подпрыгнул и стремглав бросился на лоджию, Мигель потерял равновесие и грохнулся из акробатической стойки на пол, а Гавриил тут же склонился над Мефодием и холодным тоном, в котором уже отсутствовало дружелюбие, приказал:

– Срочно дай мне картинку из оперативной памяти! Кого из девяти ублюдков ты засек?

Мефодий как можно четче отобразил в мыслях вчерашнего ненормального гиганта из парка, что нюхал землю невдалеке от его этюдника.

– Паллант! – воскликнул Гавриил, считав из мозга Мефодия все, что ему было нужно. – Мигель! Роберто! Общая тревога! Вызывайте Исполнителей из пятьдесят четвертого, пятьдесят шестого, сорок пятого и шестьдесят пятого секторов! Так и скажите: у нас Паллант! Не Циклоп, не Бриарей, а Паллант собственной персоной!

С лоджии возвратился Роберто:

– Ничего. Никакого эмоционального всплеска в округе. Либо прячется, либо уже отбыл.

– Как же, отбыл! – хмыкнул Гавриил. – Эта мразь пока гадостей не натворит, никуда отсюда не отбудет. Однако давненько Титаны в наши земли не захаживали, давненько...

Мигель тем временем уже названивал по мобильнику. Судя по его торопливым движениям, опасность и впрямь надвигалась нешуточная.

– Что прикажете делать мне? – поинтересовался Мефодий. – Я без оружия и не полностью деблокирован...

– Остаешься здесь на попечении агента Пелагеи, – сухо распорядился Гавриил. – Сидишь у себя в квартире и никуда – запомни: никуда! – не высываешься. Это приказ. В твоём «недоделанном» состоянии ты опасен как для окружающих, так и для себя самого. Ждешь нашего возвращения. Приказ ясен?

– Аминь! – подтвердил Мефодий с таким видом, будто произносил это уже не одну сотню раз.

«Хозяин не особо распространялся о себе, но дабы у зрителей и Исполнителей не сложилось в отношении его предвзятого мнения, кое-что из своей биографии он нам все же поведал.

Среди небожителей Хозяин считался не совсем полноценным. Виной тому был некий врожденный дефект, не позволявший ему развивать необходимую для небожителя скорость

передвижения. В материальном же воплощении, особенно тогда, когда приходилось перемещаться в трехмерном пространстве, этот дефект проявлялся в нешуточной по человеческим меркам хромоте. Не знаем, как небожители, но ты, землекоп, назвал бы подобное инвалидностью.

Однако считаясь в своем окружении посредственным воином, Хозяин был непревзойденным в другом. Никто не умел так разбираться в свойствах материй, компилировать их в различных формах и на различных уровнях, вплоть до такого, на котором недавно открытые тобой, землекоп, кварки показались бы Хозяину необъятной Бетельгейзе. Хозяин был инженером, и об уровне его гениальности ты можешь судить, поглядев на себя в зеркало. Ко всему прочему, он был оружейником Юпитера, каковым он стал после того, как создал для своего повелителя мощнейшее оружие – Аннигилирующее Пламя. Благодаря этому Пламени Юпитер умудрялся ни в чем не уступать Кроносу, уничтожая подобно ему звезды, словно песчаные замки.

Но, на великую беду Хозяина, случилось непоправимое: из-за своей доверчивости он оказался вовлеченным в страшную авантюру, разработанную завистливым и властолюбивым Прометеем. Будучи вероломно обманутым, Хозяин ненароком подставил под удар сам себя.

Цели Прометея были просты и прямолинейны, как удар кузнечного молота: захватить Аннигилирующее Пламя, распылить Юпитера, Аида и Нептуна, а затем встать во главе лишенного руководства воинства вольных небожителей.

На всех фронтах как раз царило затишье, Пламя находилось на профилактике, и завладеть им оказалось достаточно просто. Прометей хитростью выманил у гениального, но доверчивого Хозяина мощное оружие и немедленно приступил к осуществлению своего предательского плана.

Но заговор Прометея постигла неудача: похитив Пламя, он забыл про одну существенную деталь – Усилитель, без которого оно являлось совершенно бесполезным устройством. Прометей был схвачен, когда пытался произвести по Юпитеру залп. Повелитель расправился с ним безжалостным даже по понятиям Космоса способом: он вплавил материальную форму Прометея в одну из планет с высокой гравитацией, таким образом лишив его возможности принимать любое из окончательных обликов и обратив в живой камень, открытый всем космическим стихиям. Со временем метеориты искромсали тело неудачливого заговорщика в лохмотья, и на данный момент он наверняка уже мертв.

Хозяин понял, к чему оказался причастен, после потерпевшего фиаско покушения, однако понял до того, как на его захват была брошена орда безумных Сатиров. Зная крутой нрав Юпитера, ему не осталось ничего другого, как только спастись бегством. Бросив свою жену, Афродиту, с которой к тому времени он уже не поддерживал никаких отношений (любовнообильная Афродита часто выставляла Хозяина посмешищем), Хозяин ринулся в беспредельные пространства Космоса...»

Просвещенный Исполнитель категории новобранец с не полностью декодированным мозгом Мефодий третьи сутки пролеживал диван, приходя в себя после выматывающей процедуры деблокирования. Однако, несмотря на смертельную усталость, он так ни разу и не сомкнул глаз, поскольку не ощущал ни малейшего намека на сон. Два раза в день приходила Пелагея Прокловна, приносила полную сумку продуктов (разумеется, за счет «Небесных Врат», а не своей смехотворной пенсии), подолгу стояла над недвижимым и, казалось, не замечающим ее Мефодием, потом сочувственно вздыхала и удалялась.

Впрочем, лежащий образ жизни тяги к пище отнюдь не уменьшил. Как раз наоборот – Мефодий поглощал ее в гораздо больших, чем до деблокирования, количествах. Сказывался возросший расход энергии усовершенствованным мозгом.

За трое проведенных в раздумьях суток прошлая жизнь – безработного художника Мефодия Ятаганова – ушла куда-то в тень и виднелась оттуда лишь размытыми контурами. Но стоило только Мефодию случайно заострить внимание на каком-либо ее фрагменте из далекого или не очень прошлого, как тот мгновенно предстал перед глазами в самых мельчайших подробностях.

Мефодий мог вспомнить абсолютно все, так, по крайней мере, ему казалось. Он бродил по уголкам распахнувшейся перед ним памяти, как библиофил в хранилище антикварных книг, с жадностью хватающий с полки тысячелетние раритеты, пролистывающий их и тут же берущийся за новые, не зная, на чем остановить выбор.

Пялясь в потолок (количество цемента в штукатурке было чуть больше половины от нормы – штукатуры в тот день явно схалтурили), Мефодий в пух и прах разделал Ньютона с его законом всемирного тяготения, вывел рациональный способ нахождения трисекции угла и за пять минут расцелкал великую теорему Ферма. Чуть больше времени ушло на мысленное моделирование четырех вечных двигателей и микширование семи панацей. От рецептов превращения любого элемента периодической системы Менделеева (тоже пережившего в свое время спонтанное деблокирование землекопа, а впоследствии агента) в золото, серебро либо платину и вовсе приходилось отмахиваться, как от назойливого гнуса.

Мефодий помнил наизусть все прочитанные им книги с тех самых пор, когда он только стал отличать одну букву от другой. Он мог поминутно расписать любой день своей жизни, объяснить первопричины всех совершенных им поступков и поступков его родственников, друзей и знакомых. Мефодий попытался добраться до границ личной памяти и уперся в яркие, слепящие лучи, глубокий вдох стерильного больничного воздуха и собственный пронзительный вопль, оповестивший всех, что он, Мефодий Петрович Ятаганов, родился на свет.

Разблокированные участки памяти с заложенными самим Хозяином установками содержали в себе столько разнообразия, что поток хлынувшей оттуда информации, не лежи сейчас Мефодий на диване, наверное, просто сбил бы его с ног. Установки эти представляли собой как обыкновенные контроллеры физического самочувствия, так и документальные свидетельства, виденные глазами очевидцев, зрителей и Исполнителей, происходивших в мировой истории событий. Все это было весьма занимательно, но Мефодий чувствовал себя крайне усталым, а потому решил вернуться к хранящимся в его памяти архивам как-нибудь позже, на свежую голову.

Однажды вечером Мефодию послышалось на кухне какое-то движение. Он обострил слух до максимума и едва не оглох от топота носившихся там тараканьих стай. Мефодий оставил тараканов в покое и вслушался в то, что происходило за стенами квартиры. Сразу же включилась система фильтрации звуков по их характеристикам, а затем в голову хлынул поток затребованных Мефодием данных.

В «пентхаузе» у Тутанхамона стояла гробовая тишина – очевидно, его владелец проводил сейчас досуг вдали от дома. Идиллию нарушал лишь храп оставленного для охраны Тутанхамонова жилища бойца. Пелагея Прокловна раскладывала пасьянс перед очередным посетившим ее как гадалку клиентом. У соседа двумя этажами ниже от тапочки отклеилась подошва. У жильцов тридцать восьмой квартиры закипал на плите чайник. В шестьдесят четвертой канарейка клевала корм из блюдца. В шестнадцатой, семьдесят седьмой, девяносто четвертой, сто сорок второй и двести тридцать первой прикурили сигарету. В сто двадцатой разливали по стаканам и резались в карты. В сто пятьдесят шестой гладили белье. В двести восьмой кошка вылизывала шерсть... А также разговоры, крики, плач, смех, ругань, поцелуи и не только они, журчание воды, щелчки выключателей, лай собак, хлопанье дверей, колыханье штор, работающие телевизоры и магнитофоны, шуршание веников и гудение пылесосов...

Через десять минут Мефодий был в курсе всех творящихся в двухстах тридцати девяти квартирах его многоэтажки дел. Но хоть слуховым сканированием он занимался не ради злого умысла, а ради простого любопытства, все равно было в этом что-то неправильное. Поэтому Мефодий решил прекратить подобные изыскания и стер из мозга все упоминания о них, хотя мозг Исполнителя и рекомендовал предоставить отчет о проведенном исследовании смотрителю-куратору.

К исходу третьих суток хронического бодрствования Мефодий наконец впал в забытие, но привычный сон оно вовсе не напоминало. Сознание Мефодия было отключено, однако в мозг продолжала поступать и анализироваться звуковая информация, а глаза несколько раз за ночь открывались и подобно охранной видеокамере обводили комнату внимательным взглядом. Жаль было только одного – такое приятное дополнение ко сну, как цветные сновидения, отныне было утрачено безвозвратно...

«Чудом Хозяину удалось скрыться. Однако бежал он не с пустыми руками. Понимая, что отныне жизнь его потеряла всякую ценность и Юпитер ни перед чем не остановится, чтобы уничтожить предателя, Хозяин предпочел подстраховаться. Убегая в неизвестность, он захватил с собой сгубивший Прометея Усилитель, намереваясь припрятать его в укромном месте и этим гарантировав себе то, что его, Хозяина, по крайней мере, не уничтожат сразу при поимке.

В отличие от провалившегося заговора Прометея мероприятие Хозяина можно было считать удавшимся. Ему посчастливилось «проковылять» незамеченным через половину Вселенной и схорониться на окраине ничем не примечательной S-образной галактики в планетарной системе из десяти планет, вращавшихся вокруг одинарной затухающей звезды.

Хозяину больше всего приглянулись вторая, третья и четвертая от Солнца планеты; высокая гравитация следующих плохо подходила для его несовершенного опорно-двигательного аппарата, а излишняя близость к светилу первой «малышки» не импонировала ему тем, что Хозяин не особенно жаловал слепящий свет.

Вторая, третья и четвертая планеты имели сходные характеристики, но вторая и третья имели одно немаловажное преимущество, так что на третьей и решил Хозяин спрятать Усилитель и обустроиться сам.

Планеты с газовой атмосферой редки во Вселенной, потому их ценность по сравнению с остальными несоизмеримо выше. На материальную оболочку небожителей многие газы воздействуют самым благоприятным образом и являются одним из основных источников для подпитки их жизненной энергии. Однако и здесь все напрямую зависит от свойств газов – не всякое их сочетание дает максимальный эффект, а некоторые смеси так и вовсе вредны. Поэтому одним из направлений исследовательской деятельности Хозяина как раз и являлось получение искусственным путем совершенного соединения, равного которому в природе быть не может. И поиск этот увенчался успехом...

Выбранные Хозяином вторая и третья планеты имели различные по свойствам атмосферы. Но поскольку вторая была намного ближе к Солнцу, то участь третьей, которую ты, землекоп, нарек впоследствии Землей, решилась автоматически.

Первоначальная газовая оболочка Земли не произвела на Хозяина должного впечатления, поэтому, опираясь на опыт собственных исследований, он незамедлительно приступил к ее переделке. Самая высококачественная смесь, которая в свое время была открыта Хозяином, состояла из азота, кислорода, углерода и аргона. Посредством ряда манипуляций Хозяин запустил процесс переработки, и через определенный момент ничем не примечательная для небожителя (а для тебя, землекоп, и вовсе агрессивная) атмосфера Земли превратилась в ту, которая требовалась.

Конечный результат восхитил Хозяина даже больше, чем он ожидал. По его личным воспоминаниям, он парил над поверхностью материков и возникших как побочный продукт

процесса океанов сотню человеческих лет и не мог надыхаться. Отведя душу и адаптировавшись к благодатной для его материальной формы среде, Хозяин припрятал Усилитель, а затем стал в уединении наслаждаться вынужденной отставкой.

Бегство Хозяина, помимо независимости, подарило ему массу свободного времени. А чем можно заниматься, скрываясь от неминуемой гибели и при этом стараясь быть как можно незаметнее? Разумеется, не вопросами глобального масштаба. Поэтому все свои творческие силы Хозяин направил на облагораживание и усовершенствование нового дома.

В первую очередь он позаботился о стабильности сотворенной им искусственной идиллии. На основе составляющих атмосферу элементов и материалов самой планеты ему удалось построить великолепную систему саморазмножающихся генераторов кислорода – основополагающего элемента местной среды. Питались генераторы солнечным светом, водой и некоторыми почвенными компонентами. Планета укрылась радующим глаз зеленым растительным покрывалом.

Идея оказалась более чем удачная. Ничего подобного Хозяину ранее создавать не доводилось, но самое главное, он понял, что это еще не предел. Наблюдая, как за счет протекающих в растениях химических реакций те плодятся, борются за место под солнцем и за пищу, он вдруг отчетливо осознал, что разрешил проблему своего одиночества. Как выяснилось, из открытого им строительного материала можно было конструировать любые пригодные для жизни в данной атмосфере создания, вплоть до таких, которые даже будут подобны его материальной оболочке.

Дикий азарт захлестнул Хозяина. Начал он с простейших одноклеточных созданий и стал постепенно усложнять их структуру, однако непременно соблюдал одно условие: все его творения должны были вписываться в планетную среду и осуществлять строгую саморегуляцию. Хозяин подобно художнику убирал одни, добавлял другие, модернизировал третьи группы жизненных форм, попутно совершенствуя свои навыки в этой нелегкой работе.

Он переживал периоды гигантомании, когда Землю бороздили огромные колоссы; экспериментировал с температурой, изучая предел прочности своих подопытных, и едва не уничтожил холодом всю свою затею на корню. Но мир выжил и, несмотря ни на что, исправно существовал, подчиняясь уже не Хозяину, а выработанным самим миром стихийным законам...»

Пробуждение (если, конечно, можно назвать пробуждением мгновенное возвращение к реальности, а не присущее прежнему Мефодию получасовое потягивание) принесло с собой дополнительный заряд затраченной на деблокирование энергии. Мефодий поднялся с дивана, принял ванну, побрился и с удвоенным (по землекопским меркам – с шестикратным) аппетитом позавтракал принесенными Пелагеей Прокловной продуктами.

– Ну вот и оклемался хлопчик! – разулыбалась агент Пелагея, наблюдая, как новобранец вскрывает пальцами крышки консервных банок. – А то лежит опечаленный, словно воробушек примороженный, четвертый денек...

– Давно вы в агентах, Пелагея Прокловна? – поинтересовался Мефодий.

– Сызмальства, – ответила старушка и, обрадованная тем, что представилась возможность поговорить, затараторила: – При царе-батюшке еще обратили, при Александре.

– Вы хотели сказать «при Николае»? – уточнил Мефодий.

– Нет, милоч! Явственно помню: при Александре! При Николушке – царствие ему небесное, страдальцу нашему... – Прокловна перекрестилась. – При нем-то Гаврила-батюшка уже исправно с меня как с агента отчетность всякую-разную требовал.

– Сколько же вам лет? – удивился Мефодий.

– У дам об их возрасте спрашивать неприлично! – жеманно погрозила пальцем Прокловна. – Однако тебе как Исполнителю, а посему новому надо мной начальствующему,

докладываю: тысяча восемьсот шестьдесят первого году рождения мы – как раз когда крепостное право подчистую списали.

– Ничего себе!

– А то, милоч! Служители Господни щедры; им годков человеку накинуть – как мне, горемычной, перекреститься, – для наглядности Прокловна перекрестилась повторно. – Одаряют они нас – агентов и Просвещенных – на славу, вроде как за верную службу, дай им Бог здоровьица побольше... Так что, Мефодьюшко, и тебе уже сроку жизненного прибавилось чутков; землицу, стало быть, потопчешь подольше обычного, ежели, конечно...

Прокловна вдруг осеклась и, понуро опустив костлявые старушечьи плечи, на глазах сникла.

– Что «если», Пелагея Прокловна? – попробовал растормошить ее Мефодий.

– А то сам не знаешь? – со вздохом вымолвила она. – На небесах война идет. Не как Отечественная, конечно, но по подобию... Гибнете вы, соколики, на ней, окаянной; множество вас полегло уже... Дай тебе Бог, милоч, пережить ее целым и невредимым... Ты уж прости ведьму старую, что впутала тебя в катавасию эту, но слуги Божии так велят, а слушаться их – грех будет. Негоже мне, бабушке, грехами перед смертью пачкаться. Сколько годков дожить осталось? Совсем чуть-чуть...

– Да ладно, не берите в голову, Пелагея Прокловна, – ответил Мефодий. – Служба, куда от нее...

– А я как Господа нашего лик на картинке твоей заприметила, – продолжала Прокловна, – так чуть дуба не дала! Гаврила-батюшка лик тот мне еще когда иконою огненной показал, а тут прямо ну как живой! – Прокловна отработанным движением осенила себя крестным знаменем. – А ведь, думаю, это уже не сосед мой Мефодий Петрович, а готовый к Просвещению товарищ по истинной вере. Ну, я ноги в руки да Мигельке на телефон... Слава тебе, Господи, что кодировки эти как надобно поснимались...

«Хозяин понял, что постепенно сроднился со своим детищем настолько, что уже не в силах изменять его в глобальных масштабах. Но Создатель по природе, он не мог довольствоваться ролью простого наблюдателя, а потому изменил тактику. Вмешательство Хозяина стало носить отныне «точечный» характер.

Страшно подумать, землекоп, на твоём месте мог оказаться какой-нибудь лохматый клыкастый хищник или – что еще интереснее! – когтистое пернатое. Но нет, свои глобальные эксперименты по усовершенствованию центрального нервного процессора и одновременно накопителя информации, головного мозга, Хозяин начал как раз с тебя. Возможно, он почувствовал, что именно твой мозг окажется наиболее приспособленным к грядущим изменениям, ведь уже тогда ты понял, что хорошая палка и увесистый камень при надлежащем использовании оказываются страшнее челюстей саблезубого тигра.

Что ж, ты встал на ноги, тем самым освободив руки для более продуктивной деятельности, покорила огонь, вооружился и научился облачаться в трофейные шкуры. Хозяин не мог на тебя нарадоваться. Одно было плохо – получившийся вариант при всех его очевидных плюсах тянул максимум на поумневшее животное, но никак не на слугу, способного адекватно воспринимать приказы господина.

Второй вариант землекопа не был производным от первого, а являл собой самостоятельную модель. Он имел радикально обновленную клеточную структуру и улучшенный мозг – короче говоря, превосходил сутулого и узколобого предшественника по всем критериям. Это воодушевило Хозяина еще больше, и он решил, что нашел верный путь. А дабы поставить производство варианта-два на поток, Хозяин тут же взял из его организма тканевый шаблон и создал ему особь противоположного пола для самовоспроизводства.

Оба прототипа прекрасно повиновались командам, понимали, о чем с ними говорят, и запоминали то, что от них требовали. Поэтому они настолько полюбились Хозяину, что

тот оставил их при себе ухаживать за растительностью вокруг своей резиденции: холма, обсаженного густыми зелеными рощами для постоянного притока свежего кислорода.

Неприятности начались после того, как прототип-женщина случайно обнаружила спрятанный Усилитель. Любопытство было основной установкой для самообразования женщины, поэтому она и повела себя, как от нее требовали. Столкнувшись с неведомой доселе конструкцией, женщина попыталась исследовать ее со всех сторон и ненароком угодила в излучаемое Усилителем энергетическое поле. Вскоре в то же поле попал и отправившийся на поиски пропавшей подруги мужчина...

В резиденции Хозяина произошла катастрофа: воздействие космической энергии повлияло на мозг его слуг самым непредсказуемым образом. Прототипы стали стыдиться своего естественного обличья и обвешались с ног до головы листьями. При этом оба они отказывались подчиняться приказам и перестали ухаживать за садом, только носились как угорелые, грызли яблоки и с упоением убивали ни в чем не повинных, в то время еще абсолютно безвредных рептилий.

Хозяин поздно понял причину постигших землекопов отклонений; к тому времени они успели совершенно изгадить его любимый сад. Но уничтожить продукт кропотливого труда Хозяин не решился, поэтому переселил проштрафившуюся парочку из «тепличных» в общие для остальных «казарменные» условия. Сам же, перепрыгав злосчастный Усилитель, засел за конструирование следующей модели, не забывая учитывать допущенные ранее ошибки.

Однако последствия воздействия вредоносных для мозга землекопов лучей Усилителя продолжались. Вариант-два размножался отнюдь не так, как то требовалось. Его потомки ни за что ни про что убивали друг друга и вступали в брачные связи с представителями варианта-один. Рожденные от этих браков дети страдали эмоциональной неустойчивостью и устраивали между собой опустошительные войны, тем самым методично разрушая созданную Хозяином гармонию жизни на Земле.

Впервые вышло так, что Хозяин перестал контролировать запущенный им самый сложный механизм. Землекоп в миниатюре моделировал все те перипетии, что миллионы лет продолжали сотрясать Вселенную. На правах самого сильного он подчинял себе всех, кто проживал вместе с ним на одном ареале. Можно было покончить со всей этой вакханалией одним ударом, но Хозяин и тогда посчитал, что он в силах отрегулировать миропорядок естественным путем, да и подобная деструктивная тактика была не в его привычках.

Предназначение новорожденного варианта-три «Исполнитель» запрашивалось само собой. Он был обязан блюсти порядок на планете, как раз и являясь тем регулировочным механизмом, бремя которого до этого влячил сам Хозяин. Исполнитель вышел совершенным по всем показателям. Кроме того, внутри его мозга теперь стоял модуль эмоционального контроля – модуль настолько мощный, что слабая нервная система землекопа от такого приспособления просто-напросто перегорела бы за считанные секунды.

Ситуация вроде бы пришла в норму: Исполнители строго ограничили непомерные амбиции землекопа, благодаря своим способностям стали для них незыблемыми авторитетами, возведенными в ранг Сыновей Божиих. Однако и здесь со временем появилась серьезная проблема: система самовоспроизводства Исполнителей оказалась совместима с аналогичной системой землекопов. Получившееся поколение «полукровок» либо имело недоразвитый относительно тела мозг, либо наоборот – мозг, уничтожающий собственной мощью все системы отстающего от него в развитии тела. Больные гибриды не оставляли никакой надежды на будущее человечества, поскольку плодились с невероятной скоростью и вытесняли нормально развивающиеся особи.

Наконец лопнуло терпение и у Хозяина. Он вознамерился провести Глобальную Фильтрацию. Отобрав по несколько десятков экземпляров из всех имевшихся на тот момент на

Земле животных и растительных форм, Хозяин собрал их в безопасном месте, а поверхность планеты аккуратно – дабы не повредить структуру земной коры – омыл водой, прогнав несколько раз океаны с запада на восток...

Едва солнце подсушило вновь девственно чистую почву, Хозяин занялся засеванием в нее семян Обновленного Мира. Практически ничего не изменилось ни в растительных, ни в низших животных сообществах, что вышли из не затронутого Фильтрацией убежища первыми. Единственным, кто не прошел Фильтрацию, был человеческий вариант-один. Все остальные были оставлены, но подвергнуты столь значительным метаморфозам, что на этом стоит остановиться поподробнее.

Начнем с абсолютной новинки. Вместо отправленного «на покой» варианта-один Хозяин ввел в обиход вариант-четыре «смотритель», который на сегодняшний день считается пиком его земных творений. Вот так появились на свет мы, землекоп. Да, мы намного моложе тебя, но понятие «старшинство» в нашем с тобой случае неприменимо. Из трех разновидностей человечества нас меньше всего, но именно мы стали держать ответ перед лицом Хозяина за тебя и за Исполнителя. Теперь Хозяин не стремился охватить своим недремлющим оком целую планету (даже око Хозяина устает от подобного) – теперь он просто спрашивал за порядок с нас, и спрашивал по полной строгости.

Наши возможности по сравнению с твоими, землекоп, безграничны, ибо следующим шагом Хозяина – вариантом-пять – должен был стать абсолютный двойник его материальной оболочки. Но ты в своих фантазиях подметил верно – мы еще не боги; для тебя мы испокон веков олицетворяли архангелов – их ближайших слуг, помощников и полководцев небесных воинств. В чем-то это утрировано, но в чем-то верно.

О наших способностях суди сам. Мы знаем и умеем подчинять множество физических законов, действующих на поверхности планеты. Мы имеем контроль над гравитационным полем и способны манипулировать в нем своим телом как угодно; не так давно это было названо тобой телекинезом и левитацией. Мы способны на крайние формы телекинеза – мгновенное создание направленной ударной волны, что в нашей среде именуется гравиударом. Мы можем оперировать свойствами электрического поля на расстоянии, вплоть до его полного исчезновения. Мы творим немыслимые для тебя вещи с твоим биополем, меняя его свойства по своему усмотрению, например, можем сделать тебя на время невидимкой. По желанию мы увеличиваем или уменьшаем вес своего тела. Наш опорно-двигательный аппарат без труда преодолевает колоссальные нагрузки – такие, от которых твой рассыпается на части. А уж о чувствительности ко всем существующим на Земле волновым колебаниям – от звуковых до мысленных – можно даже не упоминать. И естественно, наш высокий статус подразумевает то, что мы можем проводить любые манипуляции с анатомией – твоей и Исполнителя.

Исполнитель – вариант-три – не обладает столь широким спектром возможностей. Его мозг – это мозг солдата, выполняющего всю грязную работу по защите человечества как от врагов внешних, так и внутренних – то есть от самого себя. Исполнитель ликвидировал очаги самых чудовищных аномалий в биосфере планеты, и сказать «спасибо» за то, что на Землю еще не хлынули орды Сатиров, Циклопов и Бриареев, надо в первую очередь ему, а не нам.

Вновь обращаемся к твоей красочной мифологии, где Исполнителю отведена роль немногословного ангела – подчиненного архангелу существа с большими крыльями, карающим мечом и громогласным духовым инструментом. Живописное сравнение, ничего не скажешь.

И опять же наполовину верно! Мечи у Исполнителя действительно имеются, и не один, а целых два. Мечи, выкованные большим специалистом по этой части – смотрителем по имени Сатана, одним из ближайших помощников и оружейников Хозяина. Характер

Сатаны оказался с дефектом: крутым и прямолинейным нравом. Потому надзирать за землекопами тот приставлен не был, а был навечно определен в подземные лаборатории Хозяина (несмотря на все свои недостатки, парень оказался на редкость талантлив в науках). Там они совместными усилиями разработали уникальный материал – клеточную ткань, своеобразный пластичный организм, но не на белковой, а на металлической основе. По предложению Сатаны, чье имя уже склонялось тобой, землекоп, повсюду, материал получил название люциферрум. Технология производства люциферрума сложна и требует знаний не ниже смотрительского уровня, поэтому данный металл-организм пошел на службу нам и Исполнителям, но не дальше (твоя присказка про бисер и свиней, землекоп, пришлось бы сейчас как нельзя кстати). И в первую очередь – на создание исполнительского вооружения.

С тех пор каждый Исполнитель получил по два люциферрумовых слэйера. Слэйер крепится на запястье Исполнителя и подключается к его нервным волокнам, через которые принимает сигналы от исполнительского мозга. Получив команду, брусок люциферрума обретает любую заданную, адекватную объему форму, обычно удобную для боя форму разнообразных клинков.

Опорно-двигательный аппарат Исполнителя – это нечто промежуточное между нашим и твоим аппаратом, но все-таки ближе к нашему. Из этого следует вывод о физических способностях варианта-три: высокие прыжки, молниеносная скорость, сверхточная координация и сокрушительная мощь. На соответствующем уровне находится и владение Исполнителя оружием. Мелькающие с невероятной скоростью клинки слэйеров и впрямь могли быть приняты досужим обывателем за взмахи ангельских крыл, а в сочетании с прыжками создавалась иллюзия полета.

Как и крыльев, трубы «ангел-Исполнитель» тоже не имеет. Очевидно, здесь имеется в виду вспомогательная боевая функция Исполнителя воспроизводить своими голосовыми связками сверхнизкий разрушительный звук (инфраудар). Скорее всего те, кому посчастливилось не попасть под инфраударную волну, и сделали подобное умозаключение, одарив в своих фантазиях «ангела» оглушительной фанфарой.

Что же касается тебя, землекоп, то ты – самый видоизмененный после Глобальной Филтрации вид человечества. И здесь, дабы не повторять одни и те же ошибки, Хозяин принял в отношении тебя самое спорное из своих решений. Хозяин посчитал, что, если не переделывать тебя целиком, а лишь заменить ту деталь, что вызвала нарекания – головной мозг, – проблему можно будет решить с наименьшим количеством затрат. Ну а чтобы и вовсе не растрчивать ни времени, ни сил на разработку нового мозга, Хозяин взял тот, что уже имелся под рукой, – продуманный и надежный мозг Исполнителя.

Само собой, позволить землекопам пользоваться всеми ста процентами исполнительского мозга Хозяин не решился, потому оставил варианту-два в распоряжение лишь жалкие три с небольшим процента. В них входил основной набор функций: самообеспечение питанием, самовоспроизводство должных жизненных условий, размножение и самообразовательные навыки, обязанные сохранять в твоей памяти накопленный с годами опыт и передавать его поколениям во избежание повторения теми твоих ошибок. Все же запретные участки – боевые навыки Исполнителя, усилители опорно-двигательного аппарата, знания об истинном миропорядке, прочие чисто исполнительские функции – были заблокированы Хозяином многоуровневыми кодировками.

Для снятия кодировок мозг землекопа необходимо подвергнуть целой системе внешних раздражителей. К примеру, чтобы декодировать самую простую из них – лямбда-кодировку, – тебя следует в строго определенном порядке укалывать иглами, обливать водой, осыпать ударами, оглушать громкими криками, давать нюхать нужные запахи и показывать тебе соответствующие цветовые гаммы. Казалось, что на таком проверенном материале и с подобными мерами предосторожностями никаких эксцессов быть не должно...

И правда – обновленный землекоп отличался от неуравновешенного прежнего в лучшую сторону. Он стал умнее, рассудительнее и на порядок сдержаннее, решал проблемы не только их физическим устранением, а новые знания впитывал как губка. Бесспорно, действие исполнительского мозга сказалось на нем весьма ощутимо. Однако не опробованная Хозяином на практике система многоуровневых кодировок, вопреки возлагавшимся на нее надеждам, таила в себе массу неприятных сюрпризов.

Раздражающие факторы сыплются на человека постоянно – от момента рождения до момента смерти. Базируя действия кодировок на них, Хозяин был уверен, что одновременное совпадение раздражителей, а тем более их порядка маловероятно, но вот вариант того, что совпадать будут некоторые фрагменты, и иногда немалые, он почему-то не рассмотрел. Хозяин посчитал, что единичные случаи не повредят общей картине, но, вопреки его ожиданиям, это стало происходить часто и повсеместно...

Спонтанное деблокирование мозга землекопа было чревато для него неприятными последствиями. Утечки сквозь кодировки происходили из запретных зон землекоповского мозга. Этим страдали как отдельные субъекты, так и целые группы.

Самые безобидные аномалии выплескивали в сознание землекопа обрывки простых информационных установок. На основе этих обрывков и зародились все разновидности твоих весьма занимательных в художественном плане религий. Самой же опасной считалась утрата или повреждение кодировки, отвечающей за сдерживание мощности. Здесь неподготовленная нервная система варианта-два просто-напросто перегорала либо пожизненно награждала своего владельца тяжелейшими умственными недугами.

Изредка при рождении землекопа у него уже отсутствовала полностью какая-либо кодировка. Эти индивидуумы в процессе своего развития могли адаптироваться к врожденной аномалии, став с возрастом обладателями феноменальных для окружающих способностей, в действительности же частично либо целиком взятых из арсенала исполнительских установок: сверхинтуиция, целительство, невероятная физическая сила. В землекоповской среде таких людей сразу превращали в колдунов или в святых, а то и вовсе в умалишенных. Но зрители сумели обратить эти недочеты Хозяина в свою пользу, всеми силами старались выявлять такие экстраординарные личности и путем небольших корректировок обрабатывали экстрасенса в агента. Агент стал промежуточной ступенью между Исполнителем и землекопом, помогая первому в более пристальном надзоре за последним.

К сожалению, в истории спонтанного деблокирования имели место и аномалии массового характера. Из ряда необъяснимых с позиций землекопа вспышек насилия и прочих массовых безумств следует выделить наиболее крупные, произошедшие еще при жизни Хозяина, отклонения: Вавилонское столпотворение – случай, когда землекопы тридцать второго и соседних с ним секторов возжелали достигнуть неба весьма оригинальным способом, – и Содомское помешательство с его дестабилизацией землекоповской системы самовоспроизводства.

После первого отклонения Хозяин ввел для варианта-два многовариативную систему звукового общения вместо единой, что воспрепятствовало дальнейшему росту области деблокирования и образованию новых. Со второй аномалией он уже церемониться не стал, поделив ответственность за ее ликвидацию между собой и двумя самыми образцовыми Исполнителями.

Словно злой рок преследовал вариант-два, настолько злой и неотвратимый, что даже Хозяин расписался в собственном бессилии. Во избежание угрозы остальным жизненным формам на Земле остро встал вопрос о дальнейшей целесообразности существования землекопа как равноправного человеческого вида. Не в состоянии принять однозначного решения, Хозяин поставил проблему на обсуждение между своими ближайшими помощниками – нами, зрителями.

Но и наш Совет не смог прийти к единому мнению. Наблюдавшие за теми секторами, где дела шли более или менее нормально, категорически не желали смерти своим подопечным. Смотрители секторов с частыми и катастрофическими аномалиями настаивали на тотальном уничтожениивоенравного и непредсказуемого варианта-два.

Самым рьяным противником существования землекопа как вида стал наш бессменный «сталевар» и оружейник, создатель люциферрумовых слэйеров смотритель Сатана. Хотя сам он не курировал ни одного сектора, тем не менее больше всех потрясал кулаками и призывал как можно скорее «выскоблить с поверхности Земли эту грязную строптивую субстанцию». Понять его было можно: в то время как его коллеги пользовались свободой перемещения по планете, ему приходилось практически безвылазно торчать в своем подземелье десятилетиями. Надо думать, самый строптивый из смотрителей сильно обижался на владеющего солнечной поверхностью жалкого варианта-два, когда он – вариант даже не «три», а «четыре»! – обречен вечно дышать гарью от сталеплавильных печей лишь за то, что имел отличную от общепринятой позицию во взглядах.

На этом примере, землекоп, ты можешь увидеть истоки еще одной извечной философской проблемы – «что есть Добро, а что есть Зло». Взгляни на это нашими глазами, глазами третейских судей и сторонних наблюдателей. Сатана не враг ни Хозяину, ни нам, ни Исполнителям. Но стоило ему лишь высказать свою точку зрения о тебе, как ты на подсознательном уровне превращаешь его, и без того приговоренного к пожизненному заточению, в Подлинное Вселенское Зло! И на каких, позволь спросить, основаниях? Потому что ты, Венец Творения Космоса, просто не приглянулся ему и вызываешь его раздражение? А с каких это пор твое мнение стало считаться Абсолютным Критерием Добра и Зла во Вселенной? Если говорить начистоту, ценность твоя и для Хозяина не была первостепенной, а о прочих повелителях вообще умолчим, поэтому наш тебе совет: не надо всех, кто считает тебя лишь пылью, переводить в категорию «Зло Высшего Порядка». Для тебя – да, не спорим, но для Вселенной? Тем более что мы – человечество – по вселенской шкале ценностей и вправду обыкновенная космическая пыль...»

Приказ оставаться на месте и дожидаться возвращения Гавриила горел в мозгу Мефодия красными буквами и вспыхивал еще ярче, когда новобранец ненароком приближался к входной двери или лоджии. О том, чтобы послушаться приказа и высунуть нос на улицу за глотком свежего воздуха, не возникало и мысли. И хоть Исполнитель имел право на самостоятельность при решении мелких вопросов, прямые приказы не подлежали не то что обсуждению – даже обдумыванию!

Отдохнув, расставив по полочкам оставшиеся после деблокировки шальные обрывки землекоповских мыслей и войдя в абсолютную эмоциональную невозмутимость, Мефодий, опять же любопытства ради, решил попробовать, на что еще способны его руки, помимо разрывания пятирублевых монет.

Отжиманиями от пола Мефодий последний раз занимался еще в университете, а потому, чувствуя сегодня за плечами немалый физический потенциал, вдохновил себя на побитие университетского рекорда, стоявшего тогда на отметке «двести пятьдесят раз». Рекорд пал уже через три минуты. Мефодий при этом даже не запыхался; как подбрасывал свое тело на руках в упоре лежа, так и продолжал, причем вниз оно опускалось гораздо медленнее, чем подлетало вверх. Через полчаса лоб Мефодия оставался таким же сухим, как и в начале упражнения: ни капель пота, ни даже легкой испарины. Довольный результатом, художник прекратил самотестирование в отжиманиях и перешел на приседания.

Первый же подъем из приседа подбросил Мефодия к потолку, и новобранец вцепился в него макушкой, отколов большой пласт штукатурки. Теперь Мефодий понял, почему Гавриил отказался тестировать его в приседаниях у Прокловны – насчет разрушения пола и потолка смотритель ничуть не шутил.

Мефодий ощупал не ощущающую боли голову. На темени не было ни шишек, ни ссадин, лишь крошки песка да чешуйки извести. «Хоть кол теши на голове!» – подумал художник, но на практике проверять данное умозаключение не стал, а продолжил приседания, однако на всякий случай все же положил на голову подушку...

Мефодию наскучили монотонные приседания часа через полтора, поскольку результатов этой деятельности он так и не обнаружил: ни боли в бедрах, ни судороги в икрах, ни одышки, обязанных указывать на то, что упражнение дает хоть какую-то пользу. С тем же успехом эти полтора часа можно было посмотреть телевизор, чем Мефодий после «физзарядки» и занялся.

Просмотр телепередач позволил Мефодию открыть в себе еще одно спавшее ранее качество – высокую даже для «недоделанного» Исполнителя интуицию. С недавних пор Мефодий знал, что в интуиции нет ничего сверхъестественного. Врожденная либо развитая человеческая интуиция в действительности представляла собой не мистическое предвидение событий, а всего лишь гипертрофированно развитую способность к скрупулезному анализу имеющихся фактов и выдаче в результате очень точного прогноза развития ситуации. Даже незнакомые кинофильмы было смотреть откровенно скучно: он предсказывал развитие сюжета и концовку уже в самом начале. Произносимые героями диалоги звучали в ушах Мефодия раньше, чем те открывали рты, и в скором времени ничего, кроме раздражения, вызывать не стали. Просмотр новостей давал такой же эффект. Симпатичная ведущая без запинки выдавала текст, но по ее не уловимым глазу землекопа жестам и мимике было заметно, что девушка думает совсем о другом. В демонстрируемых сюжетах лгали все: политики – ради своих интересов, обыватели – лишь бы попасть в кадр, военные – ради чести мундира, следователи на местах преступлений – для того, чтобы отмахнуться от настырных журналистов. Сами журналисты лгали из-за недостатка имеющихся фактов. Не лгал лишь президент, однако и он явно не доводил до журналистов всей известной ему правды.

На седьмые сутки что-то заставило Мефодия встать с дивана, подойти к стоявшему в углу незаконченному «Содому» и отодвинуть ширму.

Только теперь он испытал то ощущение, которое повергло в шок Прокловну и пробрало до мозга костей Мигеля и Роберто. Ноги Мефодия сами собой сошлись вместе, руки вытянулись по швам, а тело приняло прямое, как флагшток, положение. Взор изображенного на панораме Хозяина хоть и был направлен на горящий город, но тем не менее воздействовал на Исполнителя, словно электрический разряд.

«Еще немного творческого усердия, и точно обратил бы Раису в соляной столб, – отрешенно подумал Мефодий. – И не видать ей тогда своего норкового манто...»

Сама же картина гибели Содомы, педантично доводившаяся Мефодием до реализма, теперь не вызывала ничего, кроме снисходительной ухмылки. Так ветераны войны взирают на рисунки о войне своих внуков и правнуков: как им, детям, объяснить, что никакой романтики там нет, зато есть грязь, кровь и грохот разрывов?

Сегодня Мефодий имел возможность лицезреть ликвидацию содомской аномалии глазами Гавриила – она входила в обязательный исполнительский информационный архив.

...Слэйеры работали не переставая, окружая размахивающего ими Исполнителя серебристым ореолом, при соприкосновении с которым землекопов ждала неминуемая гибель. Калейдоскоп перекошенных лиц, фонтаны крови. Кровь на всем: на волосах, на руках, на одежде... Гавриил моргает – кровь попадает ему в глаза, – но темпа ударов не снижает. Запах горячей серы столь непереносим, что многие, кто избежал огня, задыхаются в ядовитых клубах желтого дыма. Чьи-то руки цепляются Гавриилу за одежду и через секунду, отрубленные, падают на землю. Ни единой живой души наружу – это приказ!.. Иногда в череде сменяющихся лиц мелькает перепуганное детское, но тут же исчезает в общем кровавом месиве. Ни единой живой души! Аномалия должна быть ликвидирована подчистую...

Полдня простоял Мефодий перед панорамой, но кисть в руки так и не взял. Рука, способная разорвать железный пятак и, не дрогнув, отрубить за минуту десяток человеческих голов, почему-то не испытывала больше тяги повелевать красками. А помогавшие ей в этом фантазии были вытеснены из головы художника голыми фактами, которые не вызывали у новобранца никакого вдохновения...

И как уже стало обыденно и привычно – никаких эмоций по этому поводу.

С начала вынужденного заточения миновало десять дней. Ни от Гавриила, ни от Мигеля вестей не было. Мефодий попытался несколько раз позвонить по номеру «Небесных Врат», но их телефон молчал. Агент Пелагея продолжала исполнение «снабженческих» функций. Она также не получала от «служителей Божиих» ни разнарядок, ни приказов. Складывалось впечатление, что о новобранце с незавершенным деблокированием просто забыли.

А между тем жили еще на свете люди, продолжавшие хранить память об уличном портрете Мефодии Ятаганове, не по своей воле отлученном от мирских забот и благ. И пусть время для Мефодия больше не существовало и он перестал обращать внимание на календарь, как на блеклые узоры на обоях, окружающий Мефодия мир вопреки всему оставался прежним.

Вот, к примеру, в прошедшее воскресенье Староболотинск отпраздновал в Центральном парке, не выдавшем Мефодия уже целую декаду, Международный день защиты детей. Отпраздновал с песнями детского хора, праздничными мероприятиями, конкурсом рисунка на асфальте «Пусть всегда будет солнце!» и феерической кульминацией – выпуском в небо сотен воздушных шариков и голубей.

В город ворвалось лето, обещавшее быть приятным во всех отношениях. Для Мефодия же его приход означал еще одно вступившее в силу положение: начиная с Дня защиты детей его пребывание в занимаемой квартире становилось, мягко говоря, нежелательным.

«Что ж, уважаемый землекоп, несовершенный вариант-два и одновременно счастливчик из счастливчиков, мы так и не узнаем, какое решение в конце концов принял бы в отношении тебя Хозяин, поскольку тайна эта растворилась во Вселенной вместе с ним.

Наши дебаты о судьбе землекопа, пререкания с Сатаной и колебания в вынесении вердикта закончились для Хозяина в тот момент, когда сработала расставленная им на окраинах Солнечной системы тревожная сигнализация. Ее сигналы сообщали, что кто-то из небожителей пересек пограничную орбиту крайней планеты. Либо повелители смогли отыскать утерянную «иголку в стоге сена», либо наткнулись на секретное местожительство Хозяина ненароком, но и то и другое ничего хорошего не сулило.

Хозяин понял, что затеянная им игра в космические прятки проиграна. Ни бежать, ни оказывать сопротивление у него не оставалось ни времени, ни сил. Он назначил внеочередное заседание Совета, а затем, когда мы, зрители, предстали пред его очи, довел до нас свой Последний Приказ:

«...Вы для меня больше чем просто мои творения. Вы – продолжение меня самого. Я обречен, но не хочу, чтобы вместе со мной Юпитер стер в порошок и вас. Вы – искусственные создания, но для меня вы словно дети, и я сделал все для того, чтобы вас не уничтожили, как лежащий на пути мусор. Все ваши установки я базировал на одном стержне – желании выжить. Любой ценой. Любыми средствами. Но вы никто без этой планеты, потому приказываю: оберегайте ее и скрытый на ней Усилитель как зеницу ока! Он – ваша главная страховка. Вторая ваша страховка – атмосфера. Ни один из повелителей не сможет поднять руку на самую совершенную атмосферу во Вселенной. Но ни один повелитель не потерпит вас рядом с собой. Не верьте ни Юпитеру, ни Кроносу. Их целью будет завладеть планетой и Усилителем; ваша цель – сберечь себя. Вы все такие разные, но помните, что вы одна семья. Берегите землекопа – он неразумен и потому нуждается в опеке. Когда-нибудь – когда наста-

нут для вас очень суровые времена – он обязательно вам поможет... А пока сосуществуйте в мире. Аминь!»

Но прежде чем отправиться навстречу противнику, Хозяин закончил все незавершенные проекты. Суть их он нам не открыл, но несколько дней упорно колесил по всей планете, словно прощаясь не только с нами, но и со своим «трудным ребенком» – землекопом...

Развитое зрительское зрение помогло нам проследить дальнейшую судьбу нашего Хозяина вплоть до его трагического конца.

Превосходно сознавая, что произойдет после его смерти в естественном обличье, Хозяин набрал в космическом пространстве предельную скорость, сделав все, чтобы схватка случилась как можно дальше от Земли. А в том, что она так или иначе случится, сомнений больше не было – агрессор неминуемо приближался к центру Солнечной системы.

Проникшие в Солнечную систему небожители оказались не из окружения Юпитера, они принадлежали к лагерю его врага Кроноса. Это был один из Титанов, Гиперион, с легионом подчиненных ему Бриареев. Что побудило Гипериона повнимательней присмотреться к встреченной на пути планетной группе, мы не знаем, но скорее всего он просто подыскивал местечко для спокойного отдыха.

Как выяснилось позже, Кронос был не в курсе того, что Хозяин находился у Юпитера в розыске, а иначе Гиперион постарался бы любыми средствами захватить Хозяина живым для последующего обмена военнопленными. Но завидев, как к его легиону на полной скорости несется один из юпитерианцев (и кто ведает, сколько их движется следом – в одиночку обычно легион не атакуют), Гиперион не стал долго раздумывать, а отдал приказ немедленно контратаковать.

Схватка произошла между орбитами пятой и шестой планет. Хозяин понимал, что при его плохой маневренности потеря скорости будет означать смерть мгновенную и бесполезную. Потому при подходе к боевым порядкам Гипериона он постарался разогнаться до максимума.

Так и ворвался Хозяин в самую гущу Бриареев, круша всех и вся на своем пути...

Бриарей не сравнится в бою с небожителем уровня Хозяина, даже десяток Бриареев для него не противники. Но имя им было Легион, да и сам Гиперион редко когда воздерживался от схватки, а противостоять Титану в натуральном его обличье во Вселенной могут лишь единицы.

Хозяин пал смертью храбрых после того, как умудрился уничтожить пятую часть легиона Гипериона (чего наверняка даже сам от себя не ожидал). Но когда в дело вступил глава легиона, отчаянная атака Хозяина была пресечена за считанные мгновения. От серии нанесенных Гиперионом сокрушительных ударов погиб не только Хозяин, но и разлетелась на куски пятая от Солнца планета, оставив после себя лишь облако растекшихся по ее орбите обломков. Прах Хозяина был развеян где-то среди них... Среди Титанов Гиперион считается одним из лучших вояк, однако по какой-то причине его поредевшее воинство не стало искать место, с которого наш Хозяин отправился в свою последнюю битву. Видимо, Титан побоялся наткнуться на более крупное подразделение противника. Но как и подобает дисциплинированному подчиненному, он проинформировал о произошедшей стычке командующего.

Не в силах сдержать ликование (как-никак уничтожен был не какой-то Сатир, а один из приближенных Юпитера!), Кронос послал циничное соболезнование своему закланному врагу. Однако хитрый Юпитер ничем не выдал своего истинного отношения к погибшему, а сделал скорбную мину и как бы из любопытства поинтересовался у парламентаря: уж не возле ли звездного скопления Гиады это произошло?

Парламентарь посмеялся над неосведомленностью Юпитера о местонахождении его подчиненных и в качестве снисходительного одолжения назвал точные координаты...

Вот так, землекоп, наша Солнечная система из неизвестного захолустья превратилась в одно из главных яблок раздора, за которое между группировками небожителей идет не прекращающаяся по сей день война...»

Утро пятого июня Мефодий встретил, как и все предыдущие – стоя на пороге балкона и созерцая своим обновленным зрением окрестности.

Неторопливое наблюдение за окружающим миром нравилось Мефодию больше остальных средств борьбы со скукой – анализирования звуковой информации и путешествия по заложенным в мозг чужим воспоминаниям. В первом ему продолжало видеться нечто непотребное; второе же на проверку оказывалось не столь захватывающим – ничего в исторической правде, кроме обыденной реальности, чужих эмоций, чужих глупостей и прочих наблюдаемых и поныне явлений, не имелось. Ну, правда, за редким исключением...

Мефодий возводил глаза к небу и видел трепетание ворсинок на перьях высоко парящих птиц. Выше них пилились в иллюминаторы авиалайнеров пассажиры, наверное, и не подозревающие о том, что кто-то из людей способен пронзать невооруженным взглядом столь огромное пространство. Затем Мефодий возвращал взгляд на грешную землю и с упоением всматривался в бьющую ключом жизнь насекомых, которая в миниатюре моделировала жизнь человеческого общества: кто-то от кого-то убегал, кто-то кого-то с аппетитом пожирал, а кое-кто пытался выжить, усердно имитируя повадки и облик «сильных мира сего», применяя тактику, на языке биологов именуемую мимикрией.

Мефодий смог разглядеть ценники в одном из отдаленных супермаркетов, которого раньше с этой точки не наблюдалось вовсе. Мефодий читал по губам разговоры прохожих, причем читал как днем, так и ночью, усилием воли настраивая чувствительность глазных рецепторов ночного видения – «колбочек»...

Открывшийся с недавних пор перед Мефодием мир можно было с полной уверенностью назвать новым, если бы не одно «но»: в реальности мир этот продолжал оставаться прежним, привычным своей серой обыденностью, старым миром, как бы широко он ни распахивал теперь свои дружеские объятия...

Появление Раисы Мефодий почуял задолго до того, как она приблизилась к подъезду. Стук Раисиных каблучков и аромат ее любимых духов, намертво осевшие в старой памяти Мефодия, сегодняшняя исполнительская чувствительность распознала еще на подступах к дому.

Раиса была не одна – вместе с ней в подъезд вошел и Кирилл. Мефодий не сумел определить на слух звук их автомобиля – очевидно, Кирилл приобрел себе новый, что для него считалось в порядке вещей.

Не дожидаясь, пока в дверь позвонят, Мефодий открыл замок и, вернувшись в комнату, плюхнулся на диван. Он знал наперед и цель их визита, и те слова, что ему сейчас скажут.

– ...Разумеется, здесь; где ж ему еще быть? – переступив порог квартиры, проговорил Кирилл. – На телефонные звонки не отвечает, в парке говорят, полмесяца не появлялся. Значит, ушел в глухой запой, ранимая творческая натура. А, да вот и он сам!

Однако опрятный и свежевыбритый Мефодий законных хозяев квартиры, кажется, разочаровал. А Раиса и вовсе, встретившись с ним глазами, испуганно остановилась, поскольку во взгляде ее бывшего сожителя теперь напрочь отсутствовала хорошо знакомая ей заботность.

И все-таки невыразительным взгляд Мефодия тоже не был. Из глаз его струилось прямо-таки буддистское спокойствие и нескрываемое превосходство, чем-то напоминающее то, которое лежало на Раисином лице во время ее прошлого визита.

– Ты что, обкурился? – вместо приветствия спросила Раиса и, не дождавшись ответа, сделала самостоятельный вывод: – Значит, не врал тогда про марихуану...

– Хотите чаю? – поинтересовался Мефодий и снисходительно усмехнулся при виде того, как Раиса и Кирилл в растерянности изучают его новый непривычный облик.

Впрочем, растерянность эту с обоих тут же как ветром сдуло.

– Слушай, мы вроде с тобой договорились, что к лету ты найдешь себе другое жилье, – даже не поздоровавшись, перешел к делу Кирилл. – По-человечески попросили!..

– Он, похоже, нас недопонял! – тут же встряла Раиса. – Вот так, значит, Мефодий Петрович, уважаешь ты своего старшего брата!

– Я ведь вошел в твое бедственное положение два года назад, – продолжал Кирилл. – И ты теперь войди в наше. Нам нужны деньги – квартира продается. Сожалею, братик, но тебе в любом случае придется отсюда съехать...

– Я помню, братик, – напустив на себя сочувственный вид, ответил Мефодий и повторил вопрос: – Ну так что – хотите чаю или нет?

– Да он издевается над тобой! – взвилась Раиса. – Нарочно издевается, потому что не может простить мне!..

– погоди! – осадил ее Кирилл. – Не шуми, разберемся. Ну так что, помочь тебе выехать или как?

– А может, ему и жилье подыскать? – проигнорировав просьбу мужа, не унималась Раиса. – Обставить мебелью да ежемесячный пенсион назначить?!

Кирилл, недовольный строптивостью жены, поморщился, но ничего по этому поводу не сказал, что было для него весьма нехарактерно. Лишь кулаки его несколько раз нервно сжались.

...Шанс уговорить брата подождать еще пару недель был – все-таки не чужой человек. Но, как выяснилось, даже такая гордая и независимая личность, какой являлся Кирилл Ятаганов, смогла угодить в железную женскую хватку. Сегодня в Кирилле боролось два чувства: старое – свободолюбие и новое – нежелание конфликтовать с любимой женщиной. И в этой суровой борьбе нервы Кирилла расшатались быстрее, чем зубы полярника от цинги.

– Поверьте, ребята, я нисколько о вас не забыл, – вновь невозмутимо пояснил Мефодий. – И как только смогу, так немедленно отсюда съеду. Но сейчас вынужден попросить у вас небольшую отсрочку. У меня остались здесь еще кое-какие незавершенные дела.

По Кириллу было заметно, что все идет не так, как он хотел. Жена нарочно провоцирует его на конфликт с братом, брат, хрен его поймет, нарочно или нет, упорствует...

– Дела?! Да какие у тебя вообще могут быть дела на этом свете?! – угрожающе повысил голос Кирилл. – Проблемы у него, видите ли! Улыбка у Моны Лизы не получается или карандаши затупились? Я кто, по-твоему, – коммивояжер с набором кастрюль, которого взял и за дверь выставил? «Зайдите позже, у меня дела!..» Да знаешь, кто ты вообще такой? Знаешь?! Попрошайка парковая!!!

Месяц назад от таких слов все внутри Мефодия заклокотало бы от ярости, но для «высоковольтной» исполнительской нервной системы подобный скачок тестостерона был практически неощутим.

– Твое эмоциональное состояние нестабильно, Кирилл, – произнес Мефодий тоном диспетчера метрополитена, объявляющего: «Следующая станция – «Площадь Маркса»!» – Присядь, успокойся, сделай глубокий вдох... Вы тоже, Раиса Николаевна, присядьте; стойте, будто не у себя дома! Не следует зря перенапрягать свои нервные волокна...

Мефодия ничуть не удивило, что родственники не последовали его заботливому совету. Милое личико Раисы исказила злобная гримаска, а Кириллу под кожу словно хлорофилл впрыснули – такого та стала зеленоватого оттенка. Невозмутимость Мефодия была для них обоих в новинку, и, не зная, как следует на нее адекватно реагировать, нервная парочка завелась еще сильнее.

– Короче, ты! – прищурившись, проговорил Кирилл. – Ну-ка, быстро стрейбай манатки и проваливай на все четыре стороны, а лучше на вокзал и катись назад к отцу, клоун безработный! Пошутили, и хватит! Я в своей квартире еще унижаться перед ним должен!..

– Простите, ребята, но я же ясно сказал: не могу! – вздохнул Мефодий, жалея, что такое эффективное средство для устранения конфликтов, как умирительный сигнал, являлось для него пока недоступным. – Покидать эту территорию я не имею права. Сожалею, но обсуждению это не подлежит. Уверяю вас, если потерпите еще некоторое время...

– Да он же и правда укуренный! – воскликнула Раиса. Ее прежняя догадка, похоже, только укрепилась, поскольку от несущего белиберду Мефодия не пахло винным перегаром. – Нет, ты только глянь, Кирюша, на его глаза!

Кирилл пристально всмотрелся в услужливо подставленные ему братом глаза с расширенным углом обзора, возможностью многократного увеличения и функцией ночного видения. Потом хмыкнул:

– Ты права, Рая. Это законченный наркоман! Не знаю, где он берет деньги, но видок у него и впрямь как у обдолбанного... Да еще и огрызается, паразит!

– Поди, устроил здесь перевалочную базу или склад, – предположила Раиса. – А за хранение берет товаром. Квартира не его, можно слинять в любой момент... Я по телевизору видела, там один мужик...

Кирилл оставил в покое глаза «обдолбанного» и внимательно осмотрелся по сторонам, будто пытаясь обнаружить на стенах налеты «ангельской пыли»¹ или чего-нибудь подобного.

– Там не ищи – я храню «дурь» в ящике с носками, – непроизвольно съязвил Мефодий – гости его давным-давно не шутили. – Ладно, ребята, не мелите ерунды! Я сроду не был наркоманом и не собираюсь! Я же сказал: максимум через неделю я уйду, и больше вы меня здесь не увидите. Давайте расстанемся друзьями!

– Друзьями?! – снова повысил голос Кирилл. – Я сейчас тебе устрою «друзьями»! Короче, засекаю три минуты... – Он отогнул манжет пиджака и продемонстрировал Мефодию свои шикарные «Картье». – Три минуты, братец! Ты забираешь всю «дурь», что хранишь на моей хате, все свои кисти, краски, доски и тряпки и валишь отсюда к чертовой матери! Это я с тобой еще по справедливости поступаю. Время пошло!

– Не надо, Кирилл! – сказал Мефодий. – Прошу: не надо! Для твоего же блага!

После таких слов Кирилл вспыхнул и зашипел, как подожженный в стакане бензин.

– Ты мне еще угрожаешь!.. – сорвался он на крик. – Да ты, я смотрю, вообще страх потерял? Все, мое терпение лопнуло!.. – Кирилл шагнул к Мефодию, намереваясь схватить его за грудки и сдернуть с дивана.

– А что это тут за ругань? – послышался из прихожей старческий, но еще довольно бодрый голосок, и в комнату заглянула агент Пелагея. – Кирюха, ты, что ль, расшумелся, аж на площадке стекла дребезжат?

– Уйдите, Прасковья Поликарповна, или как вас там! – рявкнул Кирилл. – Не вмешайтесь, не ваше это дело!

– Вообще-то Пелагея Прокловна я со дня крещения, – спокойно поправила его старушка. – А ты, милоч, на бабушку шуметь не изволь – не дорос еще!

– Не вмешивайтесь, пожалуйста, Пелагея Прокловна, – поддержала мужа Раиса. – Вы ведь даже не понимаете, кто на самом деле ваш сосед и что здесь происходит...

– А вот это ты неправду говоришь! – не согласилась Прокловна и протестующее подняла вверх крючковатый указательный палец. – Очень даже понимаю! Вы, молодые люди, хлопца спровадить надумали, а он не идет, ага? Так и есть! И совершенно правильно делает. А я, как человек, которого вы по возрасту уважать должны, авторитетно заявляю: нельзя ему

¹ «Ангельская пыль» – кокаин.

сейчас отсюда уйти ни в коем случае. Попозже он сам вашу квартирку покинет, а сейчас нельзя! И мой вам совет: слушайте бабушку – аккурат в два раза умнее станете...

– Так вы с ним заодно! – заявила Раиса. – Сообщники! Вы, значит, ему траву выращиваете, а он ее употребляет и реализует! Кто бы мог подумать!..

– Слушай, ты, карга старая! – Брызжа слюной, Кирилл развернулся к Прокловне. – Тебе неясно объяснили, что ли: скрипи отсюда суставами, покуда вперед ногами не вынесли!

Однако когда Кирилл уже вытянул руки, дабы вытолкать настырную старушеницу в три шеи, что-то крепко стиснуло его плечи и остановило, будто аркан жеребца. Еще полсекунды назад сидевший на диване Мефодий стоял теперь за его спиной.

– Остынь, брат! – все так же бесстрастно произнес он, не ослабляя хватки. – Последний раз прошу: уйди!.. Несколько дней! Дай мне еще несколько дней, и все...

Но взывать к рассудку Кирилла было уже поздно. Рассудок его помутился окончательно, глаза налились кровавой злобой. Кирилл утробно зарычал и, развернувшись к Мефодию, нанес ему сокрушительный удар в лицо...

...И с хрустом сломал себе лучезапястные кости, угодив кулаком в угол деревянного мольберта – головы Мефодия уже не было на линии его удара.

Кирилл взвыл и схватился за запястье, но атаку не прекратил. Кинувшись на брата с утроенной яростью, он попытался сбить его с ног, как заправский игрок в американский футбол – толчком корпуса. На этот раз Мефодий уворачиваться не стал, хотя мог сделать это до столкновения с Кириллом не единожды. Дождавшись, пока Кирилл подскочит на расстояние вытянутой руки, он коротким толчком ткнул его ладонью в лоб...

Таких сокрушительных оплеух, да еще от родного брата, ранее не выделявшегося крепостью тела, Кирилл еще не получал. Его голова и корпус резко ушли назад, в то время как ноги все еще продолжали движение вперед. Сила инерции перевернула его в воздухе, и обе Кирилловы туфли, слетев со ступней, стукнулись о потолок. Сам же Кирилл, взмыв над протертым паласом, описал в воздухе дугу и совершил жесткую посадку на журнальный столик, превратив тот в обломки.

– Цы-ы-ыть!!! А ну-ка, осади! – прикрикнула Прокловна и, несмотря на преклонные годы, шустро прыгнула между Мефодием и его оппонентами – лежащим без сознания Кириллом и испуганно хлопающей ресницами Раисой. – Поаккуратней надобно быть Служителю Господню с рабами его, пусть даже и такими бесстыжими! То ж, поди, не чужой, а все-таки брат твой единокровный!

– Да я не хотел, – пробурчал Мефодий, оправдываясь то ли перед Прокловной, то ли перед Раисой, после чего смущенно убрал набедокурившую ладонь за спину. – Как-то само собой получилось...

– Кирюша! – наконец обрела дар речи Раиса и кинулась к приходящему в себя мужу. – Кирюша, ты живой? – Убедившись, что тот подает признаки жизни, она развернулась к потупившемуся Мефодию и стоящей возле него Прокловне. – Ну вы за это ответите! Не знала я, Ятаганов-младший, что ты такая злопамятная сволочь. Клянусь: завтра же вашему притону конец! Вы у меня сидите как миленькие! Оба! Вставай, Кирюша, пойдем отсюда. Мы им устроим счастливую жизнь... Пойдем, прошу тебя!

Раиса помогла баюкавшему сломанную руку Кириллу сначала сесть, а затем, напялив на него слетевшие туфли, подняться на ноги. После чего заботливо сняла двумя наманикюренными пальчиками с его измятого костюма щепки от разгромленного столика.

Ятаганова-старшего шатало из стороны в сторону, и, не будь рядом верной супруги, он упал бы снова. Глаза его были мутны, взгляд блуждал. Опершись на плечо жены и в то же время стараясь не потерять хотя бы остатки достоинства, Кирилл с трудом сфокусировал глаза на брате и с презрительным шипением выдавил:

– Ну хорошо, братик! Значит, такова твоя благодарность, да? Хорошо, хорошо... Лучше беги, засранец, пока я не вернулся! Беги!

– Я же сказал: не могу, – ответил Мефодий. – И рад бы, но... Мои новые работодатели люди серьезные, и их приказ – это закон. Прости меня, я вообще-то не нарочно...

– Это ты скажешь, когда на коленях передо мной ползать будешь! – бросил Кирилл уже из прихожей. – А серьезных людей ты в своей ничтожной жизни еще не видел! Но обещаю, скоро ты с ними лично познакомишься, только вряд ли останешься доволен! Они натывают тебя носом в то, кто ты есть на самом деле!

– Живодер! Садист! – фыркала Раиса из-под распухшей, как боксерская перчатка, сломанной руки супруга. – Когда пил, так от каждой мухи шарахался, а как на «дурь» перешел, сразу кулаки зачесались? На родного брата руку поднял! Ненавижу!

– Абсолютно с вами согласен, – отозвался им вслед Мефодий. – Но ничего с собой поделать уже не могу.

– Плохи дела, Мефодьюшко, – мрачно пробормотала Прокловна, когда парочка скрылась с глаз. – Сдается мне, не шутит братишка твой, а Гаврила-батюшка наш с Мигелькой как назло супостата своего ловят. Один Господь ведает, где их, родимых, теперь искать... Эх, чует сердечко – жди беды!..

– Все в порядке, Пелагея Прокловна, – попытался утешить ее Мефодий. – Пошумит, покричит да забудет. Он всегда был вспыльчивый, но быстро отходил.

– Да хоть бы так, – горестно вздохнула агент Пелагея. – Дай-то Боженька...

Однако и без улучшенных познаний в землекоповской психологии можно было догадаться, что Кирилл настроен на возмездие, как никогда ранее.

Мефодий понял, что, сам того не желая, очутился в безвыходном положении (впрочем, когда это он добровольно влипал во что-либо подобное?). Брат его – человек без четких моральных принципов, характером вспыльчивый и обидчивый – был оскорблен. Оскорблен при любимой женщине и при посторонних в лице добропорядочной пенсионерки Пелагеи Прокловны. В том, что он наверняка попытается ответить обидчику тем же (какая разница, что тот лишь защищался?), можно быть уверенным на сто процентов. И не важно, кем является его обидчик, незнакомым или ближайшим родственником, – для такой личности, как Кирилл, это не имело принципиального значения.

С другой стороны, у Мефодия имелся приказ смотрителя. Приказ без пояснений, а значит, и выполняться он должен точно так же – вопреки любым, даже непредвиденным, обстоятельствам; и пусть даже дом развалится на части, Мефодий обязан быть либо на его руинах, либо под ними, но не где-нибудь еще. Столкновение оскорбленной гордости и служебного долга порождало форсмажор, и Мефодий предчувствовал, что грядет нечто весьма неприятное.

После обеда опять явилась Прокловна и сообщила, что уезжает в один из райцентров провести своего друга– агента, который, по слухам, еще в тысяча семисотом году переходил Альпы с Александром Суворовым. Старичок тот имел собственные каналы связи, и, возможно, через него было более вероятно «достучаться до Небес».

– Ты только, Мефодьюшко, до завтра выдержишься без кровопролития, – слезно умоляла Прокловна, раскладывая на столе очередную порцию казенного пайка, – а я в лепешку расшибусь, но приведу сюда кого-нибудь из покровителей наших. Пуцай спасают тебя, горемычного, от братоубийства...

«Юпитер лично прибыл на место гибели своего бывшего подручного. Ему не составило труда отыскать планету, на которой все это время скрывался опальный оружейник – слишком нереальным голубым светом сияла ее искусственно усовершенствованная атмосфера на безжизненном фоне космоса.

Юпитер облетел планету вокруг, но не выявил даже намека на местонахождение похищенного Усилителя. Однако не настолько он был глуп, чтобы очертя голову врываться на поверхность голубого шара и устраивать на нем повальный обыск. Слишком хорошо знал он натуру бывшего сподвижника, потому был уверен – тот непременно подстроил внизу какую-нибудь ловушку...

И он оказался совершенно прав! Первая же посланная на Землю разведгруппа Сатиров канула бесследно (разумеется, землекоп, мы четко следовали Последнему Приказу и не могли позволить им свободно разгуливать по планете). Не вернулись и три последующие группы, с какого бы полюса они ни проникали.

Только сейчас Юпитер обратил внимание, что, оказывается, эта планета уже заселена, причем заселена неизвестными жизненными формами (преимущественно тобой, землекоп). Несмотря на их примитивность, все вместе они казались таким отлаженным механизмом обороны, что брать скрывающую Усилитель планету штурмом Юпитер счел абсолютно недопустимым.

Как дальновидный стратег, Юпитер не расходовал зря жизни собственных солдат, пока оставались в запасе варианты решения проблемы гораздо меньшими потерями. А Усилитель, посчитал он, эти прикованные к планете материальные существа все равно никуда не денут, поэтому времени еще предостаточно. К тому же в качестве ценного приложения к Усилителю имелаась целая атмосфера чистейшего кислородного коктейля; уж в чем, в чем, но в атмосферах покойный калека-ученый разбирался, как никто другой. И было Юпитеру до боли обидно, что какие-то хлипкие двуногие купаются в ней и даже не подозревают, насколько драгоценно то, чем они владеют.

Пока владеют...

Юпитеру некогда было заниматься только этой проблемой – присутствия повелителя требовали другие ответственные участки фронтов, – потому он перепоручил ее своему ближайшему помощнику Нептуну.

Опасаясь доверить столь ответственное поручение кому-то еще, Нептун взялся за него лично и начал со сбора информации об интересующем его объекте. Выяснив, что те формы жизни, которые следует считать разумными, предпочитают обитать на суше, Нептун проник на Землю и скрылся в толще Мирового океана (как небожитель он чувствовал себя вольготно практически в любой среде). Из-под воды он и стал предпринимать свои дальнейшие вылазки на поверхность.

Нептун сразу же заметил, что для комфортного пребывания в обществе аборигенов необходимо соблюдать множество немаловажных условий (попробуй-ка, землекоп, скопировать поведение близкой тебе по обличью обезьяны и посмотри, примет ли она тебя за своего). Люди быстро начинали обращать внимание на странно ведущего себя субъекта, хотя внешне тот ничем от них не отличался. Постепенно шпиона окружал фон эмоциональной нестабильности, а попросту – повышенный интерес, испуг либо паника. Следуя этому четкому ориентиру, мы начали охоту на прибывающих «нелегалов», целью которых стал поиск спрятанного Усилителя.

Безусловно, дальновидный Хозяин предвидел подобное. Тайна местонахождения Усилителя, землекоп, не доверена даже Исполнителям; владеют ею только смотрители. Небожители не могут выпытать наш секрет, даже захватив кого-либо из нас в плен, – наш мозг самоликвидируется при малейшей опасности быть подвергнутым чужеродному сканированию.

В схватках с «нелегалами» мы стали нести первые потери. До этого момента слово «потери» было для нас в диковинку – кто мог противостоять нам в пределах Земли? Но с появлением на планете небожителей, которые, само собой, выказывали недовольство, когда их объявляли персонами нон-грата, наши стройные ряды принялись медленно, но верно редеть. Не спасала ситуацию и наша система самовоспроизводства. В отличие от твоей, зем-

лекоп, в нашей четко прописаны нормы предельно допустимого количества особей по отношению к прочему населению планеты.

Но самый страшный удар получили мы не от Юпитера, а от его извечного конкурента.

Для Кроноса не осталась незамеченной странная суeta, происходящая в глубине ничем не примечательной галактики. И хоть Кронос и был пожилым, рассудок старика оставался на редкость светлым, поэтому для него не составило труда связать два обстоятельства: место гибели высокопоставленного юпитерианца и последовавшую за этим нездоровую активность в том же районе. Стало ясно: погибший оружейник нес с собой некий ценный артефакт, который оказался в дальнейшем утерян. Кронос снова отправил в Солнечную систему Гипериона, но снабдил его уже не одним, а несколькими легионами Циклопов и Бриареев.

Массированная атака Гипериона оттеснила с земной орбиты Нептуна и его жалкую кучку Сатиров, а затем из наиболее безопасного сектора – Южного полюса – Циклопы и Бриареи хлынули на поверхность нашей планеты...

Все твои рассказы, землекоп, о небесных войнах ангелов падших и непадших были срисованы именно с этой битвы, хотя наблюдать ты ее мог разве что с очень большого расстояния. И скажем прямо: тогда мы были в шаге от того, чтобы призвать на помощь и тебя.

Ничего более сокрушительного на Земле ни до, ни после того момента не происходило. Циклопы и Бриареи имели с Титанами мало родства, потому обретали в нашем гравитационном поле ужасные материальные формы: первые перевоплощались в верзил с единственным во весь лоб глазом; вторые отрастили на своих горбатых туловищах по две дополнительных пары верхних конечностей, а при дыхании выделяли горючий газ.

Думая, что юпитерианцы обратились в бегство и путь свободен, Гиперион получил сюрприз, когда столкнулся с нами и Исполнителями. Наши силы были стянуты со всей планеты и тоже выглядели весьма грозно. Небожители, какими бы непобедимыми они нам до этого ни казались, все-таки оказались уязвимы для наших слэйеров. Исполнители ринулись в бой на поверхности, мы же, наблюдатели, умеющие левитировать, прикрывали их с воздуха, поражая гравитударами тех агрессоров, кто атаковал нас сверху.

Битва продлилась около двух недель. Получившие заряд дополнительной энергии от нашей атмосферы, небожители теснили нас по всем направлениям. Но нам удавалось ценой невероятных усилий сдерживать агрессора в границах заснеженного континента.

Снег, нагретый нашей и небожителей кровью, таял на глазах. Лед крошился от тяжелой поступи Циклопов и испарялся от огненного дыхания Бриареев. Погибая, небожители вспыхивали ярким пламенем, испепелявшим тех из нас, кто не успевал вовремя ретироваться...

Мы потеряли больше половины Исполнителей и немало наблюдателей и потеряли бы, наверное, всех до одного, не ввязись в битву третья сторона – на помощь Нептуну подоспело подкрепление. Юпитер не мог допустить, чтобы планета с Усилителем попала в руки Кроноса.

Битва переместилась в околоземное пространство и ближний Космос. Забегая вперед, скажем, что и там она ни для кого не увенчалась успехом. Стороны выдохлись и разошлись, но с тех пор оба повелителя держали друг друга в этой галактике под неусыпным контролем, больше не позволяя друг другу совершать такие наглые акции.

Мы зализывали раны и готовились к повторению атаки, хотя прекрасно понимали, что второго удара нам точно не пережить. Срочно собрался Совет наблюдателей, и Глава Совета наблюдатель Джейкоб – лучший из лучших человеческих вариантов-четыре – выслушивал любые предложения о том, как не допустить срыва исполнения Последнего Приказа Хозяина.

Каждый член Совета имел свое мнение, но все они сводились к одному: нам катастрофически не хватает живой силы. В ее нехватку упиралась любая из предложенных стратегий дальнейшего построения эффективной обороны.

И без того не отличающийся кротким нравом, теперь Сатана и вовсе был зол, вступая в пререкания с каждым высказывающимся. На предложение Джейкоба выступить самому он угрюмо произнес:

«Вы знаете мою точку зрения. Я предлагаю выставить в качестве первой линии обороны этого зажавшегося хозяйского фаворита, а то он только и делает, что отбирает у самого себя сектора и размножается быстрее одноклеточных. Все равно, когда нас скоро передавят до единого, дольше двух дней ему не протянуть. Так что какая разница – сейчас или потом... Однако чую: вы предпочтете, чтобы землекоп, как и прежде, ни о чем не догадывался! Эй, очнитесь – Хозяина больше нет! Зачем нам вообще сдался этот никчемный вариант-два? Не пора ли наконец позаботиться о себе?»

Все возмущенно зашумели, но зритель Джейкоб вдруг оживился и одобрительно кивнул:

«Сатана в чем-то прав. Все вы помните Последний Приказ: «любой ценой, любыми средствами...» Землекоп не будет больше оставаться в стороне! В бой мы его, конечно, не погоним, но тем не менее помочь он нам сможет. И я как зритель над зрителями и Глава Совета беру на себя ответственность за то, что собираюсь предпринять...»

Ты уже знаешь, землекоп, что мы, зрители, досконально разбираемся в анатомии всех трех видов Человека. При обращении землекопов в агенты нам уже приходилось вмешиваться в деятельность их головного мозга и уничтожать неработающие кодировки, так что все коды Хозяина для адаптации исполнительского мыслительного процессора к организму землекопа мы знали наизусть. Все, кроме одного...

Альфа-кодировка продолжала и продолжает оставаться для нас тайной за семью печатями. Это основная преграда к доступу в землекоповский мозг. Она отвечает за сдерживание полной мощности, ключ от которой Хозяин не доверил даже Джейкобу. Но как и ее менее сложные аналоги, она также подвержена угрозе спонтанного деблокирования.

В земной истории известны случаи, когда под воздействием сильного стресса землекоп проделывает такие вещи, какие в обыденной жизни ему не доступны. Доведенные до отчаяния матери отрывают от земли автомобили, под которыми оказываются придавленными их дети, при этом не обращая внимания на свои рвущиеся связки и ломающиеся от колоссальной нагрузки кости. Убегающий от медведя охотник стрелой взмывает на голое дерево, обгоняя даже природных «верхолазов» – белок и горностаев. Очкастый клерк при виде того, как четверо пьяных дегенератов избивают и насилуют его жену, превращается в безумного берсерка и голыми руками расправляется с обидчиками, причем кое-кого из них не спасает и реанимационная бригада. Якобы внезапно озаренные своими эпохальными законами Архимед, Ньютон и Менделеев на самом деле пробили их через альфа-кодировку физической болью: первый ошпарился кипятком в ванне, второму на голову упало нечто явно более тяжелое, нежели яблоко, третий во сне упал с кровати, хотя так никогда никому в этом и не признался.

Редко случалось, чтобы прошедший спонтанную деблокировку индивидуум смог и далее без проблем существовать со своими новыми возможностями. В четырех случаях из пяти он либо сходил с ума, либо заболел тяжелейшими недугами, либо кончал жизнь самоубийством, не в силах выдержать перенапряжение нервной системы, ставшее куда выше заложенных Хозяином номинальных трех процентов.

Однако оставшийся один из пяти являлся поистине драгоценной находкой. Его нервная система, выдержавшая начальный, самый мощный, скачок напряжения, в дальнейшем могла функционировать практически без сбоев. Этот фактор уже вплотную приближал данного представителя варианта-два к варианту-три.

Все работающие в секторах Исполнители и прикрепленные к ним агентурные сети были мобилизованы Джейкобом на поиски подобных уникамов, благо отыскать таких среди

прочих землекопов проблем не составляло. Люди с неординарными способностями быстро покрывали себя славой и как следствие этого оперативно отслеживались нашими агентами. Удаление деформированной альфа-кодировки было нам уже по плечу – поврежденной она становилась не мудренее следовавших за ней «бета», «гамма» и прочих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.